

ДЭН СИММОНС

БРИТВА
ДАРВИНА

Дэн Симмонс
Бритва Дарвина
Серия «Дейл Стюарт / Майкл О'Рурк»
Серия «Мастера фантазии»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=122609
Д. Симмонс. Бритва Дарвина: Эксмо; Москва; 2023
ISBN 978-5-17-147154-5

Аннотация

Дарвин Минор – первоклассный специалист по дорожно-транспортным происшествиям. Самые сложные и запутанные случаи, подлежащие страховым искам, для него не представляют загадки. Вооружившись калькулятором, линейкой и видеокамерой, он восстанавливает трагические события не хуже любого профессионального детектива.

Но однажды происходит нечто странное: Дарвин Минор подвергается нападению со стороны наемных убийц, атакующих его на трассе. Очевидно, что он встал поперек дороги кому-то очень важному. Кому же? Покушения на его жизнь не прекращаются, но убийцы не знают, что Дарвин Минор воевал во Вьетнаме, где был снайпером в составе морской пехоты. Пришла пора расчехлить пылящееся в подвале оружие...

Содержание

Глава 1. А – абзац	6
Глава 2. Б – братишка	43
Глава 3. В – выдержка	69
Глава 4. Г – говнюк	87
Глава 5. Д – децибелы	113
Глава 6. Е – ералаш	138
Глава 7. Ж – ж-ж-ж	159
Конец ознакомительного фрагмента.	170

ДЭН СИММОНС

Бритва Дарвина

Dan Simmons
Darwin's Blade

© Dan Simmons, 2000

© Перевод. И. Непочатова, 2021

© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

* * *

При прочих равных простейшее решение обычно наиболее верное.

Вильгельм Оккамский, XIV в.

При прочих равных простейшее решение обычно наиболее идиотское.

Дарвин Минор¹, XXI в.

Эта книга посвящается моему брату Уэйну Симмонсу, который каждый день расследует причины несчастных случаев и все же сохранил чувство юмора, и Стивену Кингу, который отмерил лезвием «Бритвы Дарвина» человеческую глупость. Спасибо, Стив, что ты не покидаешь нас и до сих пор рас-

---

¹ Minor – младший (англ.).

сказываешь у костра страшные истории.

Автор выражает признательность Уэйну Симмонсу и Труди Симмонс за помощь в написании этой книги. Он также благодарит клуб планеристов Уорнер-Спрингс за предоставленную возможность проверить на практике подробности описанного в романе воздушного боя с помощью одного из их высокочастотных планеров; «Экспонат реконструкция джорнэл»; снайперскую школу корпуса морской пехоты США в Куантико, штат Виргиния, и лагерь «Пендлтон», штат Калифорния. Автор благодарит Стивена Прессфилда за книгу по фобологии – науке о страхе и борьбе с ним – и Джима Ленда, который написал одно из лучших снайперских руководств. Талантливому мастеру из подразделения «Акура» корпорации «Хонда мотор», который вручную собирал двигатель моей «Акуры NSX», мой поклон и «Domo arigato goimasu – Shun o dekimasu ka?»².

Все несчастные случаи и аварии, описанные в «Бритве Дарвина», основаны на отчетах, реконструировавших реальные события, но их расследовали, конечно, разные люди. Спасибо всем следователям и экспертам по расследованию несчастных случаев – их профессионализм, опыт и поразительное чувство юмора нашли отражение в этом романе. Правдоподобием и точностью описаний эта книга обязана именно им, а все ошибки – только на совести автора.

---

² Большое спасибо. Закончена ли ваша работа? (яп.)

Глава 1. А – абзац

Телефон зазвонил в начале пятого.

– Тебе нравятся несчастные случаи, Дар. Приезжай и полюбуйся на один из них.

– Не нравятся мне несчастные случаи, – ответил Дар. Он не стал спрашивать, кто звонит, потому что узнал голос Пола Камерона, хотя и не сталкивался с Камероном уже больше года. Пол был сержантом полиции в Палм-Спрингс.

– Ладно, – согласился Камерон, – но загадки-то ты любишь.

Дар сверился с наручными часами.

– Не в восемь минут пятого утра.

– Этот случай того стоит.

Слышно его было плохо, словно он звонил по мобильнику или радиотелефону.

– Где?

– На дороге у Монтесума-Вэлли, – сообщил Камерон. – Примерно милю в глубь каньона. Там, где С-22 переваливает через холмы и выходит к пустыне Анзо-Боррего.

– Господи... – пробормотал Дар. – Это же у Боррего-Спрингс! Мне туда полтора часа добираться!

– Ну, если поедешь на своей черной машине – доберешься быстрее, – хихикнул Камерон.

Его смешок потонул в треске и помехах слабой связи.

– И что там произошло такого, что я должен лететь в Бор-рего-Спрингс, даже не позавтракав? – спросил Дар, поднимаясь с кровати. – Крупная авария?

– Не знаю, – живо отозвался офицер Камерон.

– Как это не знаешь? Ты что, никого еще не послал на место происшествия?

– Я звоню с места происшествия, – донесся сквозь треск нечеткий голос Пола.

– И что, не можешь подсчитать, сколько машин столкнулось?

Дар поймал себя на желании отыскать на прикроватной тумбочке хотя бы одну сигарету. Он бросил курить десять лет назад, сразу после смерти жены, но в трудных случаях его до сих пор тянуло к куреву.

– Нам не удалось достоверно установить, какое транспортное средство или средства пострадали в результате аварии.

Камерон вдруг заговорил ненормальными, казенными оборотами. Голос его стал безликим и сухим, какой бывает только у профессиональных копов при исполнении.

– Что ты имеешь в виду? – переспросил Дар. Он поскреб колючий подбородок и покачал головой. Ему много раз доводилось сталкиваться с ситуациями, когда опознать марку или модель каждой из столкнувшихся в крупной аварии на скоростном шоссе машин было трудновато. Особенно ночью.

– А то и имею, что мы не знаем, была это одна машина

или несколько, а может, самолет или какой-нибудь гребаный НЛО, – ответил Камерон. – Дарвин, если ты не увидишь этого собственными глазами, то будешь жалеть всю оставшуюся жизнь.

– Что ты... – начал Дарвин и запнулся. Камерон отключился.

Дар спустил ноги с кровати, глянул на темноту за высокими окнами спальни, выругался и пошел принимать душ.

* * *

На то, чтобы добраться из Сан-Диего до указанного места, у него ушел час без двух минут. Всю дорогу Дар гнал свою «Акуру NSX» по извилистой дороге на дне каньона, стрелой проносясь по длинным прямым участкам. Антирадар он оставил мирно лежать в «бардачке», справедливо рассудив, что все патрульные машины наверняка сейчас сгрудились на шоссе С-22, у места происшествия. Когда он начал спускаться по пологому склону горы высотой в 1200 метров, предрассветное небо уже светлело. Дорога, под уклоном примерно в шесть градусов, вела мимо Ранчиты к Боррего-Спрингс и пустыне Анзо-Боррего.

Дар размышлял о своей профессии, на поворотах переключаясь на третью передачу, на что машина отзывалась легким горловым урчанием, и вновь набирая скорость на ровных участках. Одна из трудностей работы эксперта по

дорожно-транспортным происшествиям заключается в том, что почти каждая миля каждого чертова шоссе памятна для тебя чьей-то роковой глупостью. «Акура» негромко взревела на небольшом подъеме, освещенном занимающейся зарей, и понеслась по длинному, извилистому спуску к каньону, который начинался в нескольких милях впереди.

Вот здесь, вспомнил Дар, бросив взгляд на старые заградительные перила на деревянных столбиках, промелькнувшие на крутом повороте. Именно здесь.

Лет пять назад Дар прибыл сюда всего через тридцать пять минут после того, как школьный автобус снес это старое ограждение, пролетел метров двадцать по каменистой насыпи, перевернулся три раза и замер на боку, застыв развороченной крышей прямо в узком ручье, протекающем у подножия склона. Автобус принадлежал окружной школе «Дезерт-Спрингс» и как раз вез детей домой после горного похода с ночевкой по программе «Эко-неделя». В нем ехали двое учителей и сорок один шестиклассник.

Когда Дар прибыл на место происшествия, вертолеты Службы спасения уже забирали пострадавших детей, санитары перетаскивали носилки вверх по крутому склону, а у ручья лежали по меньшей мере три маленьких тела, накрытых желтым брезентом.

Когда пересчитали потерпевших, оказалось, что шестеро детей и один учитель погибли, двадцать четыре школьника получили серьезные травмы, включая ребенка, который на

всю жизнь останется парализованным, а водитель автобуса отделалась ссадинами, царапинами и переломом левой руки.

В то время Дар работал на Национальное управление по безопасности движения. Лишь год спустя он ушел из НУБД и стал независимым экспертом по дорожно-транспортным происшествиям. В тот раз Дарвина вызвали из его квартиры в Палм-Спрингс.

Еще долго после аварии с автобусом Дар следил, как средства массовой информации освещали подробности ужасной трагедии.

Телевидение и газеты Лос-Анджелеса сразу же объявили водителя автобуса настоящей героиней. Ее показания, а также свидетельства очевидцев, особенно учителя, который сидел позади одного из погибших детей, только подтверждали эту точку зрения. Все сходилось на том, что тормоза вышли из строя примерно через милю после того, как автобус начал свой долгий, опасный спуск по склону. Водитель – женщина сорока одного года, разведенная, мать двоих детей – крикнула, чтобы все схватились за что-нибудь и крепко держались. Затем был бешеный полет вниз по дороге, длившийся еще целых шесть миль. Водитель изо всех сил пыталась удержать автобус на трассе. Тормоза дымились, но не могли замедлить скорость машины. На резких поворотах детей сбрасывало с сидений. Потом последовало роковое столкновение с заграждением, скольжение по склону, и под конец автобус закувыркался по насыпи вниз, к ручью. Все

согласились, что водитель ничего не могла поделать. Чудо, что она еще сумела удерживать машину на дороге так долго.

Судя по статьям на передних полосах газет, общественность сочла водителя автобуса героиней, достойной самой высшей награды. Две лос-анджелесские телестанции передали репортаж со школьного собрания, где родители выживших детей возносили водителю хвалу за то, что, спасая пассажиров, она «совершила невозможное». В «Вечерних новостях» Эн-би-си показали четырехминутный ролик об этой женщине и других водителях школьных автобусов, которые «получили травмы или погибли, исполняя свой долг», а Том Брокау назвал таких, как она, «невоспетыми американскими героями».

Тем временем Дар собирал информацию.

Модель этого школьного автобуса, ТС-2000, была разработана компанией «Блю берд боди» в 1989 году. Окружная школа «Дезерт-Спрингс» приобрела его совершенно новым. Автобус был оборудован рулем с гидроусилителем, дизельным двигателем и четырехскоростной автоматической коробкой передач АТ-545, от «Аллисон трансмишен дивиженс» – подразделения корпорации «Дженерал моторс», занимающегося производством трансмиссий, шасси и их компонентов. Тормоза машины соответствовали Федеральному стандарту безопасности для автомобилей.

Сиденье водителя было снабжено ремнем безопасности, а вот места для пассажиров – нет. Дар знал, что именно так

устроены все школьные автобусы. Родители, которые ни за что на свете не позволят своим детям кататься непристегнутыми в семейных автомобилях, по утрам спокойно машут ручкой отпрыскам, отъезжающим на школьных автобусах, каждый из которых рассчитан на пятьдесят человек и имеет один-единственный ремень. Общий вес того автобуса, что полетел с обрыва, его пассажиров и багажа, был примерно 8 тонн 499 килограммов.

Судя по газетным и телевизионным репортажам, у водителя был абсолютно чистый талон нарушений. Анализ крови, взятый у нее в больнице сразу после аварии, не выявил ни алкоголя, ни наркотиков. Дар побеседовал с ней через два дня после несчастного случая, и ее ответ практически слово в слово совпал с показаниями, которые водитель дала полиции вечером того рокового дня.

Она сказала, что примерно через милю после того, как автобус отъехал от лагеря, на пологом спуске с холма тормоза «стали странными и податливыми, как студень». Она вдавила педаль тормоза. На панели засветился огонек, отмечая низкое давление в тормозной системе. Но тут автобус начал подъем по склону следующего холма, длиной в две мили, и скорость движения упала. Автоматическая коробка передач переключилась на более низкую скорость. Предупреждающий огонек погас, затем мигнул еще несколько раз. Водитель сделала вывод, что проблема разрешилась сама собой и можно продолжать движение.

Вскоре после этого, рассказывала она, машина покати­лась по спуску, и вот тут «тормоза отказали полностью». Автобус начал набирать скорость. Водитель не смогла остано­вить его ни обычным, ни ручным тормозом. Сильно воняло горелым. Задние колеса начали дымиться. Водитель вручную пере­ключила рычаг коробки передач на вторую скорость, но это не помогло. Она схватилась за радио, чтобы сообщить свое­му диспетчеру о том, что происходит, но ей пришлось бро­сить микрофон и вращать рулевое колесо обеими руками, чтобы удержать машину на дороге. Шесть миль ей это уда­валось, время от времени она кричала школьникам и учите­лям «Отклонитесь влево!» или «Отклонитесь вправо!». На­конец автобус врезался в ограждение, проломил его и по­летел вниз по насыпи. «Не знаю, что еще можно было сде­лать», – закончила водитель свой рассказ. На этом месте она разрыдалась. Ее показания подтвердили выжившие дети и учитель, с которыми побеседовал Дар.

Водитель – грузная женщина с бледным, рыхлым лицом и тонкими губами – показалась Дару глупой коровой. Но лич­ное мнение пришлось оставить в стороне. Чем старше он ста­новился и чем дольше работал экспертом, тем глупее каза­лись ему люди. А с каждым годом после смерти жены окру­жающие женщины все больше походили на коров.

Его подчиненные проверили все документы водителя. Теле­видение и газеты трубили о том, что у нее «чистый талон нарушений», и это оказалось правдой. Но удалось выяснить,

что она проработала в этом округе всего шесть месяцев. По сведениям, поступившим из Департамента дорожного движения штата Теннесси, в котором эта женщина жила, прежде чем переехала в Калифорнию, за пять предшествующих лет она успела получить одно предупреждение и дважды нарушить правила. В Калифорнии, за два дня до приема на работу в округ, водитель получила разрешение на вождение школьных автобусов (пассажирский транспорт) и в ее правах открыли действительную для всей Калифорнии категорию Б (водитель пассажирского транспорта), ограниченную обычными автобусами, и обязательно с автоматической коробкой передач. За десять дней до аварии Калифорнийский ДДД зарегистрировал у водителя два нарушения: она не смогла правильно оформить финансовую ответственность и неправильно установила номерные знаки. Вследствие этих нарушений ее на время лишили прав. И вернули за день до катастрофы, когда в ДДД она заполнила форму SR-22 (подтверждение финансовой ответственности). Так и вышло, что во время несчастного случая ее документы оказались в полном порядке. Продолжительность курса, который она закончила в Школе вождения пассажирского транспорта, составляла 54 часа. Из них 21 час занимали практические занятия по управлению автобусом, идентичным разбившемуся. Но это не были специализированные курсы по вождению на высокогорных участках дороги.

Отчет Дара о механических повреждениях автобуса со-

ставил четыре страницы текста, напечатанного через один интервал. Вкратце: кузов автобуса оторвало от ходовой части, крыша смялась внутрь салона от кресла водителя до третьего ряда пассажирских сидений. Левый бок пострадал сильнее всего, оконные рамы были выбиты, и осколки стекла разлетелись по всему левому ряду сидений. Бамперы едва отыскивали. Бак оказался поврежден в нескольких местах, один из бензопроводов оборвался, но крепления бензобака уцелели, и он удержался на месте.

Дар проверил всю техническую документацию, касающуюся этого автобуса, и узнал, что машина каждый месяц проходила техосмотр, а исправность тормозов проверяли каждые полторы тысячи миль пробега. Также выяснилось, что последний раз осмотр проводился всего за два дня до аварии. Старший механик обнаружил, что тормоза нуждаются в текущем ремонте, и сделал запись, чтобы их отрегулировали. Но записи, которая свидетельствовала бы о проведенном ремонте, не оказалось. Эксперты Управления по безопасности установили, что в день аварии тормоза отрегулированы не были. Дальнейшее расследование показало, что ремонтная мастерская окружной школы недавно перешла с общекалифорнийской формы технических бланков дорожной полиции на бланки, установленные местным предприятием технического обслуживания транспорта (1040–008 Рем. 5/91). Старший механик сверял обе строки бланка – «Выполнено» и «Ремонт» – и при необходимости вносил свои распоряже-

ния в колонку «Ремонт». Но в новом бланке его письменный приказ находился на обратной стороне листа. Пять механиков, работавших под его началом (по одному на каждые восемнадцать автобусов, которые обслуживали школу и предприятия), не заметили этого распоряжения.

– Ну, пожалуй, все, – заключил глава округа Дезерт-Спрингс.

– Не совсем, – возразил Дар.

Через три недели после аварии Дарвин провел следственный эксперимент, чтобы выяснить обстоятельства аварии. Такой же школьный автобус, модели ТС-2000 образца 1989 года, загруженный двумя тоннами мешков с песком (чтобы симитировать вес школьников, учителей и их багажа) перегнали к самой высшей точке дороги Монтесума-Вэлли, на границу лесопарка, откуда в тот день возвращались дети после ночевки в лесу по программе «Эко-неделя». Тормоза автобуса были подрегулированы до такой же степени неисправности, как и у разбившейся машины. Дар вызвался провести испытания в качестве водителя и взял с собой коллегу-добровольца, который должен был фиксировать все детали испытания на видеопленке. На время испытания калифорнийский дорожный патруль перекрыл движение на трассе. Представители школьного совета тоже прибыли понаблюдать за следственным экспериментом, но никто не выказал желания ехать в самом автобусе.

Дар провел машину сперва по небольшому спуску, затем

по двухмильному участку подъема, по длинной извилистой дороге на дне каньона – в самых опасных местах угол наклона составлял 10,5 процента – и, наконец, остановился примерно в десяти метрах за поврежденным ограждением, где автобус с детьми сошел с трассы. Он развернулся и подкатил обратно к началу своего пути.

– Тормоза в порядке, – сообщил Дар собравшимся представителям школьного совета и полицейским. – На контрольной панели не было сигналов о неисправностях тормозов. Ни дыма, ни запаха гари.

И объяснил, что произошло в день катастрофы. Водитель автобуса выехала из национального парка, не отключив стояночный тормоз, блокирующий обе пары колес. После первого участка дороги под уклон тормозные колодки начали гореть, и все почувствовали этот запах. Затем начался двухмильный подъем.

– Сильная вонь, – пояснил Дар, – началась, когда тормозные колодки и шины нагрелись до температуры приблизительно 600 градусов по Фаренгейту³.

Учителя, школьники и сама водитель почувствовали запах гари в первые две мили своего пути из парка. Но водитель оставила это без внимания. Сигнал датчика о неисправности тормозной системы быстро погас, а затем снова замигал, когда автобус поднялся на вершину горы, перед последним длинным спуском к Боррего-Спрингс. Уцелевший учи-

---

³ Примерно 315° по Цельсию.

тель, который сидел на переднем сиденье, видел, как на панели мигал огонек.

– Есть только одно техническое объяснение тому, что датчик начал мигать, сигнализируя, что тормозная система перегрелась за такое короткое время пути, – сказал Дар. – Это значит, что от самого лагеря автобус ехал на стояночном тормозе.

Дарвин напомнил, что выжившие пассажиры рассказывали о том, что автобус «шел неровно» и «слегка покачивался» во время первых двух миль дороги. Водитель же не обратила внимания на эти тревожные сигналы и повела машину вниз по извилистой горной дороге.

Дар рассказал, что когда он оказался на месте катастрофы, то заметил одну любопытную деталь – передние колеса автобуса вращались свободно, а на задних стояла блокировка. Он объяснил слушателям, что у такого вида транспорта есть автоматические тормоза, которые включаются самостоятельно, без участия водителя, когда давление в системе падает ниже тридцати фунтов на квадратный дюйм. Заблокированные задние колеса свидетельствовали о том, что давление в системе упало и в действие вступили автоматические тормоза. Специалисты управления установили, что тормозная жидкость нигде не протекла и что воздушный компрессор тоже был исправен. Но эти тормоза не могли остановить автобус, поскольку перегрелись еще раньше.

На этом месте рассказа Дар прервался и вернулся за руль

испытательного автобуса. Он включил стояночный тормоз и вновь вырулил на трассу. За ним потянулся длинный конвой из патрульных и частных машин.

Поднимаясь вверх по склону, автобус начал слегка раскачиваться. И Дар, и его коллега, ведущий видеосъемку, отметили сильный запах гари. Патрульные машины сообщили по радиации, что задние колеса автобуса дымятся. Зажегся огонек датчика неисправности тормозной системы. Дар чуть притормозил в том месте, где это сделала водитель школьного автобуса, вдавил педаль тормозов и повел машину по длинному спуску с вершины холма.

Тормоза отказали через 1,3 мили горной дороги. Включились автоматические тормоза, но тут же вышли из строя из-за перегрева. Автобус начал разгоняться. Когда скорость достигла 46 миль, Дар переключился с третьей на вторую передачу, тормозя двигателем. Затем передвинул рычаг на первую передачу. Автобус накренился, но явно замедлил ход. На скорости 11 миль Дарвин выбрал подходящий песчаный склон на внутренней части следующего витка дороги и воткнул машину в песок. Удар вышел несильным. Через минуту армада полицейских машин и автомобилей представителей школьного совета окружила несчастный автобус. Дар забрался в одну из патрульных машин, и все спустились по шоссе к месту катастрофы.

– Водитель выехала из лагеря, не отключив стояночный тормоз. Поскольку все колеса были заблокированы, через

две мили пути тормозная система перегрелась, и давление упало ниже тридцати фунтов на квадратный дюйм, – пояснил Дарвин сгрудившейся вокруг него толпе, стоя у покореженного ограждения. – Включились автоматические тормоза, но ситуацию не спасли из-за перегрева всей системы. И все-таки была возможность замедлить движение автобуса до двадцати восьми миль в час. Как это только что сделал я.

– Но вы же ехали намного быстрее, – возразил начальник школ округа.

– Я вручную переключился на вторую, третью и затем четвертую передачу, – кивнул Дар.

– Но ведь водитель сказала, что она, наоборот, уменьшила скорость, – заметил председатель школьного совета.

– Знаю, – согласился Дар. – Только она этого не сделала. Когда мы проверяли коробку передач после аварии, оказалось, что рычаг стоит на четвертой передаче. Автоматическая коробка передач фирмы «Аллисон» рассчитана на то, чтобы сбрасывать скорость при резком ускорении. Водитель переключила скорость на четвертую передачу вручную.

Толпа молчала, не сводя с него глаз.

– На асфальте отчетливо виден тормозной след длиной в пятьсот пятьдесят футов, – сказал Дарвин и показал на дорогу. След был виден до сих пор. Пораженная публика проследила взглядом за движением его руки.

– Автоматические тормоза, невзирая на перегрев системы, все еще пытались остановить автобус, когда он врезался

в это ограждение.

Все взглянули на искореженные перила.

– Скорость автобуса составляла около 64 миль в час, когда он врезался в ограждение, и была примерно 48 миль в час, когда машина слетела с дороги – вот здесь.

Головы зрителей послушно повернулись.

– Автобус врезался в ограждение, когда рычаг стоял на четвертой передаче, – продолжал Дар, – не из-за неисправности коробки передач, а потому, что водитель переключила ее вручную. Женщина не помнила себя от страха. Не отключив стояночный тормоз, она пренебрегла сильным запахом гари и раскачиванием машины на подъеме, а потом и сигналами датчика неисправности тормозной системы, и повела автобус вниз по опасному спуску – хотя и заметила, что тормоза стали «податливыми, как студень». И наконец, на скорости двадцать восемь миль в час она по ошибке вручную перевела рычаг на четвертую передачу.

Два месяца спустя Дар прочел на последней странице местной газетки о том, что водитель автобуса была признана виновной в неосторожной езде, что стало причиной гибели семи человек. Ей дали год условно и навсегда лишили права водить пассажирский транспорт. Лос-анджелесские газеты и телевизионные станции, которые недавно провозглашали ее «невоспетой героиней», лишь вскользь упомянули об этом факте. Вероятно, стыдясь своего прежнего взрыва восторга.

Уже рассвело, и, подъезжая к месту происшествия, Дар выключил фары. Камерон немного ошибся, сообщая координаты: не миля от того участка дороги, где каньон обрывается и начинается пустыня, а чуть меньше.

Впереди показались характерные приметы современной смерти на высокогорной трассе: патрульные машины у обочины, мигающие полицейские маячки, расставленные бело-красные конусы и патрульные, руководящие снующим туда-сюда стадом проезжающих машин. Картину дополняли две машины «Скорой помощи» и зависший вверху вертолет. Все на месте – а где же следы самой аварии?

Не обращая внимания на взмах патрульного жезла, приказывающий проезжать мимо, Дар свернул к широкой обочине, где в ряд стояли полицейские машины. Сине-красные блики мигалок подсвечивали отвесные стены каньона.

К «Акуре» подтрусил постовой.

– Эй! Здесь парковаться нельзя. Это место происшествия.

– Меня вызвал сержант Камерон.

– Камерон? – подозрительно переспросил полицейский, все еще дуясь на Дарвина из-за того, что тот не послушался его жезла. – Зачем? Вы из отдела дорожно-транспортных происшествий? Документы есть?

Дар покачал головой.

– Просто сообщите сержанту Камерону, что приехал Дар Минор.

Постовой насупился, но все же снял с пояса рацию, отошел на пару шагов и заговорил в микрофон.

Дарвин ждал. Затем он заметил, что все копы, стоящие у обочины, пялятся куда-то вверх, на стену каньона. Дар вышел из машины и, прищурившись, принялся разглядывать красную каменную стену.

Там, в нескольких сотнях футов над дорогой, на широком уступе горели прожектора, суетились люди и сновали машины. К уступу не вела ни одна дорога или даже тропинка, забраться по такой отвесной стене не представлялось возможным. Из-за края площадки показался небольшой бело-зеленый вертолет и осторожно начал снижаться к шоссе.

У Дарвина все внутри сжалось, пока он следил, как вертолет спускается на расчищенную от машин площадку у обочины. Легкий разведывательный вертолет – «Лера», как их когда-то называли солдаты во Вьетнаме. Дар припомнил, что на таких машинах любили носиться офицеры. Сейчас их используют в полиции и для наблюдения за ситуацией на дорогах. Интересно, на что пересели господа офицеры? Пожалуй, на «Хьюз-55».

– Дарвин!

Из вертолета выпрыгнули сержант Камерон и еще один полицейский и, пригнувшись, чтобы не попасть под вращающиеся лопасти винта, направились к нему.

Полу Камерону, как и Дару, было под пятьдесят. Чернокожий сержант отличался крепким сложением, широкой грудью и аккуратными, ухоженными усами. Дарвин знал, что Камерон давно бы ушел в отставку, если бы не начал свою полицейскую карьеру так поздно. Он записался в корпус морской пехоты как раз тогда, когда Дар уволился со службы.

Рядом с сержантом шагал молоденький коп – белый, с пухлым детским лицом и губами, которые живо напомнили Дару Элвиса Пресли. Юноше едва перевалило за двадцать.

– Доктор Дарвин Минор, а это патрульный Микки Элрой. Мы как раз говорили о тебе, Дар.

Юный патрульный покосился на Дарвина.

– Вы и вправду доктор?

– Не медицины. Доктор физических наук.

Пока патрульный Элрой переваривал ответ, Камерон спросил:

– Готов подняться туда и поглядеть на нашу головоломку, Дар?

– Подняться? – без особого энтузиазма переспросил Дарвин.

– А, ты же не любишь летать!

Камерон умел разговаривать только в двух тональностях – задиристо-веселой и напористо-грубой. Сейчас он был весел.

– Но ведь у тебя есть права на управление самолетом, вер-

но? Или планером, точно не припомню...

– Терпеть не могу, когда за штурвалом сидит кто-то другой, – ответил Дар, но покорно взял сумку со съемочной аппаратурой и пошел к вертолету следом за обоими полицейскими. Камерон устроился впереди, в кресле второго пилота, так что Элрою и Дарвину пришлось втискиваться на заднее сиденье, и это им как-то удалось.

«В последний раз я летал на этих гробах, – вспомнил Дар, – когда на «Си Сталлионе»⁴ сматывался с Далатского реактора».

Пилот убедился, что все пристегнулись, затем повернул один рычаг и потянул на себя второй. Маленький вертолет поднялся в воздух, задрожал и, накренившись, взмыл вверх. Легкая машина поднималась все выше и выше между двумя красными отвесными стенами, на мгновение зависла над уступом и мягко опустилась на землю. Лопасты вращались всего в каких-то двадцати футах от вертикальной каменной стены.

На ватных, подгибающихся ногах Дар выбрался из вертолета и подумал, не попросить ли ему у Камерона разрешения просто сигануть вниз с обрыва, когда настанет пора возвращаться на шоссе.

– А это правда, что рассказывал сержант о космическом челноке? – спросил патрульный Элрой, слегка скривив элвисовские губы.

---

⁴ «СН-53», «Sea Stallion» – многоцелевой транспортный вертолет.

– Что именно? – поинтересовался Дар, пригнув голову и закрыв ладонями уши, потому что вертолет как раз собрался снова подняться в воздух.

– Ну, что это вы выяснили, почему он взорвался. Я имею в виду «Челленджер». Когда это случилось, мне было двенадцать.

– Нет, я тогда ишачил на НУБД и просто входил в состав комиссии по расследованию.

– Ишачок, которому НАСА дало пинка под зад, – выдал Камерон, для верности сдвигая ремешок фуражки под подбородок – чтобы не сдуло ветром.

– А почему вас выгнали? – озадаченно спросил Элрой.

– Потому что я говорил то, что им не хотелось слышать, – ответил Дар.

Он уже заметил воронку – примерно тридцать футов в диаметре и три в глубину. То, что сюда рухнуло, разбилось о внутреннюю скальную стенку и сгорело, подпалив траву и полынь, которая росла на уступе. Вокруг воронки стояли и сидели на корточках с десятков полицейских и экспертов.

– А что им не хотелось слышать? – не отставал Элрой. Дар подошел к краю воронки.

– Что космонавты «Челленджера» не погибли в результате взрыва, – отстраненно ответил он, думая в это время совсем о другом. – Я сказал им, что человеческое тело обладает поразительным запасом живучести. И сообщил, что семеро космонавтов оставались в живых до тех пор, пока капсула не

ударилась о поверхность океана. Две минуты и сорок пять секунд свободного падения.

Парень замер.

– Господи Иисусе, – выдохнул он. – Неужели правда? Я и не знал про это. В смысле...

– В чем дело, Пол? – оборвал его Дарвин и повернулся к Камерону. – Ты же знаешь, я больше не расследую авиакатастрофы.

– Ага, – оскалился Камерон в белозубой ухмылке. Затем нагнулся, пошарил среди выгоревшей травы и протянул Дару искореженный кусок железа. – Можешь определить, что это за штука?

– Дверная ручка, – ответил Дар. – От «шеви».

– Ребята считают, что это был «Шевроле Эль-Камино», модель 82-го года, – промолвил Камерон, кивая на экспертов, что рылись в дымящейся яме.

Дар глянул на вертикальную каменную стену справа и перевел взгляд на шоссе, змеящееся в нескольких сотнях футах под ногами.

– Неплохо, – кивнул он. – Едва ли на вершине горы остался тормозной след.

– Пусто. Гора как гора, – согласился сержант. – Сбоку тоже ничего нет.

– Когда это произошло?

– Этой ночью. Местные жители заметили дым около двух часов ночи.

– А вы, ребята, оперативно работаете.

– На этот раз пришлось. Те, кто прибыл сюда первыми, решили, что взорвался военный самолет.

Дар кивнул и подошел к желтой ленте, которой обнесли место происшествия.

– Обломков многовато. Есть что-то не от «Эль-Камино»?

– Мясо и кости, – ответил Камерон, продолжая ухмыляться. – Человек был один, в этом мы уверены на все сто. Эксперты думают, что мужчина. От удара о скалу и взрыва его разнесло на куски. Ах да, еще есть остатки алюминия и каких-то сплавов, которые явно не имеют ничего общего с «Эль-Камино».

– Еще одна машина?

– Едва ли. Скорее обломки того, что было в машине.

– Любопытно, – заметил Дар.

Патрульный Элрой продолжал с подозрением коситься на Дарвина. Видимо, он опасался, что сержант и Дар каким-то образом разыгрывают его.

– А вы правда тот парень, именем которого назвали премию?

– Нет, – ответил Дар.

– Он не тот Дарвин, – пояснил Камерон. – Он Дарвин Минор, то есть Дарвин-младший.

Дар обошел воронку, стараясь держаться подальше от края обрыва, потому что не любил высоты. Кое-кто из экспертов кивнул ему и поздоровался. Он достал из сумки ка-

меру и принялся снимать место происшествия с разных ракурсов. Под лучами восходящего солнца ярко заблестели тысячи исковерканных металлических обломков.

– Что это? – удивился Элрой. – Никогда не видел такой видеокамеры.

– Цифровая, – кратко ответил Дар.

Он закончил со снимками и видеозаписью и посмотрел вниз, на шоссе. Отсюда хорошо просматривался вход в каньон. От него на восток был прочерчен перпендикуляр дороги до Боррего-Спрингс. Дар глянул в видоискатель камеры и сделал несколько кадров пустыни и дороги, тянущейся через песчаные холмы.

– Если Дарвиновская премия названа не из-за вас, – не унимался юный постовой, – то в честь кого?

– Чарлза Дарвина, – ответил Дар. – Слышал о том, что выживают самые приспособленные?

Мальчишка непонимающе заморгал. Дар вздохнул.

– Ежегодная премия Дарвина присуждается тому, кто окажет величайшее благодеяние человеческой расе, избавив генофонд человечества от своей ДНК.

Парень медленно кивнул, явно недопонимая, в чем соль. Камерон хохотнул.

– Кто гробанется самым дурацким образом, – перевел он и поглядел на Дара. – В прошлом году, кажется, получил парень из Сакраменто, который так тряс автомат с пепси, что тот рухнул и раздавил его.

– Это в позапрошлом году, – уточнил Дар. – А в прошлом – фермер из Орегона, который побоялся отремонтировать крышу сарая без страховки. Он обвязался веревкой, перебросил второй конец через конек крыши и попросил своего взрослого сына привязать его к чему-нибудь тяжелому. Тому самым тяжелым показался задний бампер их пикапа.

– Ага, а потом из дома вышла жена, – засмеялся Камерон, – села за руль и поехала в город. Интересно, вдове выдали страховку за несчастный случай, связанный с автотранспортом?

– Пришлось, – ответил Дар. – Он же действительно был с ним связан.

Патрульный Элрой выдавил элвисовскую улыбку, но, видимо, соль прикола до него так и не дошла.

– Так ты возьмешься за это дело или как? – спросил Камерон.

Дар потер лоб.

– Уже есть какие-то теории по этому поводу?

– Следователи считают, что это повздорили наркодельцы.

– Ага, – радостно поддакнул Элрой. – Ну, вы понимаете. «Эль-Камино» был в грузовом отсеке одного из этих... больших военных самолетов...

– «С-130»? – уточнил Дар.

– Ага, – усмехнулся Элрой. – Эти подонки перессорились и выпихнули его... И вот результат!

И эффектным жестом указал на воронку, как заправский

метрлотель, приглашающий за столик важных персон.

– Неплохая теория, – кивнул Дар. – Вот только откуда наркодельцы взяли «Локхид С-130» «Геркулес»? И зачем затащили в него «Эль-Камино»? И почему выбросили его оттуда? И почему машина взорвалась и сгорела?

– А разве машины не взрываются, когда падают с высоты на камни? – удивился Элрой, и его торжествующая улыбка увяла.

– Только в кино, Микки, – сказал Камерон и повернулся к Дару. – Ну что? Начнешь сейчас, пока солнце еще не припекает?

– Только при двух условиях, – кивнул Дар. Камерон вздернул свои косматые брови. – Ты доставишь меня вниз, к моей машине, и дашь свою рацию.

* * *

Дар повел «Акуру» по дороге в пустыню, остановился и огляделся.

Проехал еще немного, снова огляделся и наконец вернулся к месту первой остановки. Он поставил машину у небольшой насыпи, вышел и прогулялся, собирая в карман камешки и какую-то дребедень. После чего он сделал несколько снимков деревьев Джошуа и песчаных холмов, вернулся к машине и заснял асфальтовую дорогу.

Стояло раннее утро, и движение на шоссе еще не было

оживленным – мимо проехало лишь несколько грузовиков и трейлеров, – поэтому у входа в каньон, где одну полосу заняли патрульные машины, не поставили знака объезда. Но, несмотря на ранний час, в пустыне температура воздуха поднялась до 80 градусов по Фаренгейту⁵. Дарвин сбросил пиджак и, включив кондиционер, забрался на заднее сиденье своей черной «Акуры», которая продолжала работать на холостом ходу.

Дарвин включил свой ноутбук IBM, загрузил на диск снимки с «Хитачи» и некоторое время пристально их изучал. Затем запустил короткие видеоролики, которые он успел снять. Он достал калькулятор и углубился в расчеты, оторвавшись от них всего раз, чтобы запустить диск с картами и устройство GPS – систему глобального позиционирования, которое он всегда держал при себе, на всякий случай.

Перепроверив все расстояния, углы наклона и прочее, Дар покончил с арифметикой, захлопнул ноутбук и отложил его в сторону. Затем вызвал Камерона по его же рации. Прошло всего тридцать пять минут с того момента, как Дар спустился с уступа.

Еще через пять минут к машине подлетел бело-зеленый вертолетик и приземлился неподалеку. Пилот остался в кабине, а Камерон спрыгнул на песок, нахлобучил фуражку и подошел к «Акуре NSX».

---

⁵ Около 28° по Цельсию.

– А где юный Элвис? – спросил Дар.

– Элрой, – поправил сержант.

– Какая разница?

– Оставил его там. На сегодня ему хватит впечатлений.

Кроме того, он вел себя непочтительно по отношению к старшим.

– Правда?

– Когда ты ушел, он сказал, что ты – полный абзац.

– Абзац? – переспросил Дар.

– Извини, Дарвин, – пожал плечами бывший морской пехотинец. – На большее его не хватило. Он же не бывал в армии. Пороху не нюхал, ума не нажил. К тому же он белый. Лингвистически не подкован. Я прошу за него прощения.

– Абзац?!

– Что ты мне хотел сказать? – вернулся к главной теме Камерон. Он явно устал и растерял свое веселье, постепенно приближаясь к своей грубой ипостаси.

– А что мне за это будет? – поинтересовался Дар.

– Безграничная благодарность Калифорнийской патрульной службы, – проворчал Пол.

Дар глянул в сторону вертолетика, силуэт которого слегка дрожал в потоках горячего воздуха, поднимающегося над трассой.

– Ладно, деваться некуда. И хотя мне дико не хочется лезть в эту железку снова, нам придется подняться на пару миль вверх, и оттуда я все тебе покажу.

– Место катастрофы, что ли?

– Именно. В каньон я больше не полечу. Скажи пилоту, что он должен следовать моим указаниям и лететь на высоте не более пятисот футов.

* * *

Вертолет отлетел на восток от «Акуры», оставшейся стоять у обочины дороги, примерно на полмили.

– Видишь вон те подпалины и рябь на асфальте возле той стоянки? – спросил Дар по переговорнику.

– Да, сейчас вижу. А когда проезжал здесь ночью, то не заметил. И что? Это не самое лучшее шоссе, оно везде поганое. У дорожных рабочих, наверное, руки из задницы растут.

– Возможно, – согласился Дар. – Но этот участок выглядит так, словно асфальт сперва расплавился, а потом снова остыл и затвердел.

– Ну это же пустыня, парень, – пожал плечами Камерон и повернулся к пилоту, который нацепил солнцезащитные очки. – Сколько там уже?

– Сто двадцать по Фаренгейту⁶, – ответил тот, даже не повернув головы в их сторону. Он полностью сосредоточился на приборах и линии горизонта.

---

⁶ Примерно 49° по Цельсию.

– Хорошо, – сказал Дар. – Давайте вернемся обратно к моей машине.

– И это все? – возмутился Камерон.

– Терпение!

Они пролетели над шоссе триста футов. Внизу промчался «универсал», из боковых окон которого высунулись детские мордочки и уставились на вертолет. Сверху «Акура» казалась восковой кляксой от расплавившейся черной свечи.

– Видел вон там отметины на асфальте? – спросил Дар.

– Когда спустились ниже, заметил, – проворчал Камерон. – Тормозной след? Но оттуда до каньона полторы мили. И все две – до места аварии. Ты имеешь в виду, что кто-то не справился с управлением, попытался затормозить, пролетел две мили вперед и двести футов вверх и разгрохался о стену каньона? Шустрый, засранец!

Сержант мрачно усмехнулся.

– Длинный след горелой резины, – заметил Дар, показывая на две параллельных полосы, тянущихся с востока.

– Мальчишки шины попортили. Такие следы – на каждом километре трассы. Счастье, если завтра эти сопляки не врежутся куда-нибудь.

– Я все подсчитал. Эти следы тянутся тысячу восемьсот тридцать восемь футов, причем не прерываясь. Если это был сопьяк на машине, то колеса у него безразмерные. Причем большую часть покрышек он оставил на асфальте. Если это вообще тормозной след...

– Что ты имеешь в виду? – насторожился Камерон.

– Все дело в коэффициенте трения. Наш «Эль-Камино» пытался остановиться, но не смог. Тормоза сгорели.

Дар выудил из кармана несколько крохотных шариков и кусочков, похожих на сплавившуюся резину, и протянул Полу.

– Тормозные колодки? – спросил Камерон.

– То, что от них осталось, – сказал Дар и передал сержанту несколько металлических горошин. – А это было тормозными цилиндрами. Вдоль этого участка трассы деревья запырило искрошенной резиной. И оплавленными стальными частичками.

– У «Эль-Камино» тормоза всегда были ни к черту, – пробормотал Камерон, пересыпая горелые кусочки в черной горсти.

– Да, – согласился Дар. – Особенно если ты пытаешься остановиться на скорости триста миль в час.

– Триста в час! – потрясенно ахнул сержант, уронив челюсть.

– Скажи пилоту, чтобы посадил машину, – приказал Дар. – Я объясню все внизу.

* * *

– Наверное, это было ночью, – начал Дар. – Он же не хотел, чтобы кто-то заметил, как он устанавливает за этой насыпью

стартовые ускорители. А потом...

– Стартовые ускорители! – воскликнул сержант, снял фуражку и вытер вспотевший лоб.

– Стартовые ускорители для пусковых ракетных установок, – подтвердил Дар. – Большие ракеты на твердом топливе, которые прежде использовались для подъема в воздух тяжелых грузовых самолетов, если взлетная полоса была слишком короткой или груз слишком...

– Да знаю я, что это за хрень! – прорычал Камерон. – Я служил в армии, парень! Но как эти придурки со своим занюханым восемьдесят вторым «Эль-Камино» достали стартовые ускорители?

– К северу отсюда у нас база военно-воздушных сил «Эндрюс». А туда дальше по дороге – база «Твелв-Палмс». В этом районе наткано военных баз больше, чем по всем Соединенным Штатам, вместе взятым. Кто знает, что они там списывают и продают за сущие гроши?

– Стартовые ускорители, – повторил Камерон, глядя на бесконечный четкий след на дороге. В одном месте черные полосы немного вильнули вбок, но затем снова выровнялись, улетая к каньону двумя черными стрелами. – А зачем им понадобились две штуки?

– А одна тебе ничего не даст, разве что усесться сверху, – ответил Дар. – Если поджечь только одну и она окажется не строго по центру тяжести машины, то «Эль-Камино» начнет вертеться, как колесо с фейерверками, пока ракета не заро-

ется в землю или не пробурит машиной яму в песке.

– Хорошо, – кивнул Камерон. – Он привязал, прикрутил, прицепил... Короче, как-то приспособил к машине эти списанные реактивные хреновины. И что потом?

Дар потер подбородок. Второпях собираясь в эту поездку, он не стал тратить время на бритье.

– Потом он дождался, когда на шоссе будет пусто, и поджег их. Вероятно, обычным самодельным электродетонатором – две проволоочки и батарейка. Если ты их поджег, то потушить уже не можешь. Это же просто уменьшенная копия ракетоносителей, которые выводят шаттлы на орбиту. Поджег – и полетел. Уже не остановишься.

– Выходит, он превратился в шаттл, – с непонятым выражением на лице заключил Камерон. И перевел взгляд на далекие горы. – Пролетел всю дорогу отсюда до стены каньона.

– Не всю, – возразил Дар, включая ноутбук и показывая сержанту свои расчеты. – Я могу только предполагать, с какой скоростью они толкали машину вперед, но именно ракеты поплавили асфальт на том отрезке дороги. На этом участке, через двенадцать секунд после возгорания, они разогнали машину до скорости двести восемьдесят пять миль в час.

– Ну и гонка, – покачал головой Камерон.

– Возможно, этот парень мечтал установить мировой рекорд, – заметил Дар. – А когда телефонные столбы слились в один частокол, освещенный заревом ракет, он передумал. И ударил по тормозам.

– Толку-то? – хмыкнул Камерон.

– Тормозные цилиндры оплавившись, – согласился Дар. – Тормозные колодки сгорели. Шины начали стираться в порошок. Ты заметил, что последние сотни метров следы на асфальте стали прерывистыми?

– Тормоза то срабатывали, то нет? – предположил Камерон. В голосе сержанта звенело предвкушение того, как он будет пересказывать этот случай своим сослуживцам. Копы обожают обсасывать разнообразные примеры аварий и автокатастроф.

Дар покачал головой.

– Что ты, от них уже ничего не осталось. «Эль-Камино» начал подпрыгивать на тридцать-сорок футов перед тем, как окончательно подняться в воздух.

– Ничего себе! – почти восторженно выдохнул Камерон. – Да. Там, где горелые отметины заканчиваются, ракеты частично выгорели и опустились под углом тридцать шесть градусов. Со стороны взлет «Эль-Камино» должен был смотреться весьма впечатляюще.

– Твою мать, – ухмыльнулся сержант. – Значит, эти свечки горели до самой стены каньона?

Дарвин покачал головой.

– Я считаю, что они полностью выгорели через пятнадцать секунд после взлета. Дальнейший полет – чистой воды баллистика.

Он вывел на экран ноутбука карту GPS и расчеты траек-

тории полета машины от дороги до самой скалы.

– Там, где он бабахнулся, дорога делает поворот и поднимается вверх, – заметил Камерон.

Дар слегка поморщился. Он не любил, когда восклицания вроде «бабах!» превращают в глаголы.

– Да. Повернуть он не мог. В полете машина, по-видимому, вращалась вокруг своей горизонтальной оси, стабилизируя полет.

– Как пуля из ружья?

– Именно.

– Как ты думаешь, какой у него был... слово не подберу... насколько высоко он взлетел?

– В верхней точке? – спросил Дар, заглядывая в компьютер. – От двух тысяч и до двух тысяч восьмисот футов над землей.

– Ничего себе! – снова ахнул Камерон. – Поездка была недолгой, но какой сногшибательной!

– Я подсчитал, – сказал Дар, потирая глаза, – что после первых пятнадцати секунд наш парень из участника гонки стал просто грузом.

– То есть?

– Даже при самом невысоком ускорении, которое могло донести его отсюда вон туда, от земли он оторвался при восемнадцати g . Если он весил около семидесяти пяти килограммов, то...

– То сверху на него свалилось еще тысяча двести семьде-

сят кило. Ого!

Запищала рация.

– Извини, – сказал сержант. – Вызывают.

Он отошел на несколько шагов и принялся вслушиваться в хрипение и треск из трубки. Дар выключил ноутбук и сунул его в машину. Мотор «Акуры» продолжал тихо урчать, поддерживая работу кондиционера.

Подошел Камерон. Его лицо перекосила насмешливая гримаса.

– Ребята только что откопали в воронке рулевое колесо от «Эль-Камино», – сообщил он. Дарвин молча ждал продолжения. – Фаланги пальцев впечатались в пластик колеса, – закончил Камерон. – Глубоко впечатались.

Дар пожал плечами. В это время зачирикал его мобильник.

– За что я люблю Калифорнию, Пол, – сказал Дарвин, доставая телефон, – так это за то, что сотовая сеть покрывает ее полностью. Связь есть всегда.

С минуту он слушал, потом сказал:

– Буду через двадцать минут.

И отключился.

– Что, пора браться за работу по-настоящему? – снова усмехнулся Камерон, видимо представляя, как в течение следующих дней он будет рассказывать и пересказывать сегодняшнюю байку всем знакомым.

Дар кивнул.

– Это мой шеф, Лоуренс Стюарт. Он нашел для меня кое-что посерьезней этой ерунды.

– *Semper Fi*⁷, – бросил куда-то в пространство Камерон.

– *O seclum insipiens et inficetum*⁸. Катулл, сорок три, восемь, – произнес Дар в том же тоне.

---

⁷ Всегда верен! (*лат.*) – девиз морской пехоты США.

⁸ О, неразумный и грубый век! (*лат.*)

Глава 2. Б – братишка

До индейской закусочной, стоящей на перекрестке нескольких дорог, куда Дарвина вызвал его начальник Лоуренс Стюарт, Минор долетел на своей «Акуре» за пятнадцать минут. Лоуренс попросил Дара «приехать как можно скорее». С антирадаром, прощупывавшим шоссе впереди, сзади и по бокам, «как можно скорее» на «Акуре NSX» означало 162 мили в час.

Закусочная с казино, гаражом и заправкой располагалась к западу от Палм-Спрингс и резко отличалась от обычных индейских казино – глинобитных пылесосов в стиле пуэбло, которые высасывали последние денежки из карманов янки и вырастали вдоль дорог как грибы после дождя. Это было выдавшее виды, запущенное строение, расцвет которого пришелся, видимо, на начало 1960-х – золотые годы весьма далекого отсюда 66-го шоссе. Так называемое казино представляло собой комнатенку чуть ли не на задворках закусочной, в которой стояло шесть игровых автоматов и стол для игры в очко, за которым чуть ли не круглосуточно работал все один и тот же крупье – одноглазый индеец.

Дар сразу увидел Лоуренса. Его шефа трудно не заметить – это двухметровый здоровяк весом в 115 килограммов, с добродушной усатой физиономией. Правда, сейчас лицо Лоуренса как-то странно раздумянилось. Его «Исудзу Труп-

пер» модели 86-го года стоял под палящими лучами солнца у стеклянной витрины закусочной, в стороне от бензозаправки и гаража.

Дарвин искал взглядом тенистое дерево, под которым можно было бы припарковать «Акуру», не нашел и загнал машину в тень от спортивного авто Лоуренса.

С первого взгляда стало понятно, что у шефа не все благополучно. Лоуренс отвинтил фару и разложил стекло, ободок, рефлектор, лампочку и прочие детали на капоте, не забыв подстелить чистую тряпочку. В настоящий момент правая кисть шефа находилась внутри пустого гнезда, левой рукой он пытался выдернуть застрявшую кисть, а подбородком прижимал к плечу сотовый телефон.

Лоуренс был одет в джинсы и рубашку-сафари с короткими рукавами, которая потемнела от пота на груди, на спине и под мышками. Приглядевшись, Дарвин заметил, что лицо шефа не просто разругалось, а приобрело нездоровый багровый оттенок. Еще чуть-чуть, и начальника хватит апоплексический удар.

– Эй, Ларри! – окликнул его Дар, захлопывая за собой дверцу «Акуры».

– Черт побери, не называй меня Ларри! – прорычал здоровяк.

Все звали Лоуренса Ларри. Как-то Дарвин встретил его брата, Дэйла Стюарта, который рассказал, что Лоуренс-не-называй-меня-Ларри ведет безнадежную войну за свое имя

еще с семилетнего возраста.

– Хорошо, Ларри, – покорно согласился Дар, прислоняясь к правому крылу «Исудзу». Он осторожно облокотился о разложенную тряпочку, стараясь не коснуться раскаленного капота. – Что у тебя стряслось?

Лоуренс выпрямился и огляделся. По его лбу и щекам капился пот и капал с подбородка на рубашку. Он повел глазами в сторону витрины закуской.

– Видишь того парня на третьем стуле? Да не верти ты головой, черт побери!

Дар скосил глаза на широкую стеклянную витрину.

– Такой невысокий человек, в гавайской рубашке? Он как раз доедает... что? А, яичницу!

– Он, – подтвердил Лоуренс. – Бромли.

– А, выследили-таки.

Лоуренс и Труды уже четыре месяца искали шайку угонщиков. Кто-то воровал новые машины из прокатной фирмы «Авис», которая была одним из корпоративных клиентов агентства Стюартов. Ворованные машины перекрашивали, перегоняли в соседний штат и продавали.

Чарли Бромли по прозвищу Молчун уже несколько недель подозревался в причастности к этому делу. Но Дар не принимал участия в расследовании.

– У него вон тот лиловый «Форд» с прокатными номерами, – сообщил Лоуренс, все еще прижимая подбородком трубку сотового телефона.

Из трубки послышалось чириканье.

– Минуту, солнышко, сюда приехал Дар, – произнес шеф.

– Труди? – поинтересовался Дарвин.

– А кого еще я называю солнышком? – вытаращился на него Лоуренс.

– Ну, я не лезу в твою личную жизнь, Ларри, – развел руками Дар.

И улыбнулся, поскольку на его памяти Лоуренс и Труди были единственной искренне любящей и преданной друг другу супружеской парой. Официально фирма принадлежала Труди. Их семья жила, дышала, разговаривала и трудилась в унисон по шестьдесят-восемьдесят часов в неделю, так что вряд ли у них хватало времени на что-то, кроме проблем страховых компаний и связанных с ними расследований.

– Возьми трубку, – попросил Лоуренс. Дар извлек сотовый из-под мокрого от пота подбородка шефа.

– Привет, Труди, – произнес он в трубку, а Лоуренсу заметил: – Не знал, что «Авис» выдает напрокат лиловые «Форды».

Обычно Труди разговаривает спокойным, деловым тоном. На этот раз ее голос был не только деловым, но и крайне раздраженным.

– Ты можешь освободить этого идиота?

– Попытаюсь, – ответил Дар, начиная вникать в ситуацию.

– Решите ампутировать руку – перезвони, – бросила Труди и отключилась.

– Черт! – прорычал Лоуренс, не спуская глаз с закусочной, внутри которой официантка забирала у Бромли пустую тарелку. Человек допивал кофе из чашки. – Он сейчас выйдет.

– Как тебя угораздило? – спросил Дар, кивая на правую руку шефа, застрявшую в гнезде фары.

– Я висел на хвосте Бромли с самого утра, когда еще не рассвело. А потом заметил, что у меня не горит одна фара.

– Плохо, – согласился Дар. – Подозреваемый легко мог заметить в зеркальце заднего вида одноглазую машину.

– Вот именно, – огрызнулся Ларри, безуспешно пытаясь извлечь руку из глазницы своей «Исудзу». – Я сразу понял, в чем дело. У этой модели проводка постоянно провисает и контакты легко отходят. Такая у них сборка. В прошлый раз Труди удалось подсоединить его обратно.

– У Труди рука поменьше, – кивнул Дар. Лоуренс покопался на своего эксперта по дорожно-транспортным происшествиям.

– Да!.. – произнес он, с трудом проглатывая более грубые варианты ответа. – Там отверстие в форме воронки. Туда рука пролезла нормально. Я даже подсоединил этот чертов провод. А вот... ну никак не получается...

– Вырваться? – подсказал Дар, бросив взгляд на витрину. – Бромли уже расплачивается по счету.

– Черт, черт, черт, – пробормотал Лоуренс. – Закусочная слишком маленькая, он сразу бы меня заметил. Я и так за-

правлялся, будто сонная улитка. А потом подумал, что, если начну ковыряться в машине, это будет смотреться нормально...

– Смотрится, как будто ты сунул руку в гнездо фары и застрял.

Лоуренс оскалился, показывая крепкие ровные зубы.

– Края у этой проклятой воронки острые, как лезвия, – прошипел он. – Такое ощущение, что рука у меня еще больше распухла с того времени, как я ее последний раз пытался вытащить.

– А ты не мог добраться туда через верх? – спросил Дар, изготовившись снять тряпку с деталями разобранной фары и открыть капот.

– Они запломбированы, – скривился Лоуренс. – Если бы я мог добраться через верх, стал бы я совать руку в эту дырку?

Дар знал, что его шеф – славный малый, готовый при случае пошутить и посмеяться. Но еще у Ларри было повышенное давление и буйный темперамент. Отметив его стремительно багровеющую физиономию, потоки пота, катящиеся по щекам и усам, и дрожащий от ярости голос, Дар решил, что сейчас не время препираться.

– Чего ты от меня хочешь? Чтобы я взял у техников в гараже мыло или масло?

– Я не хочу собирать вокруг себя толпу... – начал Лоуренс и осекся. – Нет, только не это!

Из распахнутых ворот гаража вышли четверо механиков

и девочка-подросток и направились прямо к ним. Бромли расплатился и пропал из виду, направляясь то ли в туалет, то ли к входной двери.

Лоуренс наклонился к Дару и прошептал:

– Сегодня днем Молчун встречается с главарем шайки и остальными угонщиками где-то в пустыне. Если бы я это за-снял, дело можно было бы считать закрытым.

Он снова подергал правой рукой, но «Исудзу» и не думала отпускать свою жертву.

– Хочешь, чтобы я поехал за ним? – спросил Дар.

– Не дури, – скорчил гримасу Лоуренс. – По пустыне на этом? С твоим-то клиренсом?

И кивнул в сторону черной «Акуры».

– А я и не собирался сегодня ездить по бездорожью, – согласился Дар. – Может, я поеду на твоей?

Лоуренс выпрямился, насколько позволяла застрывшая рука. Заляпанное маслом механики и девчонка подошли к машине и встали полукругом.

– А я что, впереди побегу? – прошипел Лоуренс. Дарвин поскреб подбородок.

– Может, посадить тебя на капот, как носовую фигуру? – предложил он.

Молчун Бромли вышел из закуской, окинул взглядом толпящийся вокруг Ларри народ и неторопливо забрался в свой лиловый «Форд».

– Что, – подал голос один из механиков, вытирая грязные

руки о не менее грязную тряпку, – застрял?

Лоуренс одарил парня взглядом, которому позавидовал бы любой василиск.

Механик отступил на шаг.

– Можно смазать маслом, – задумчиво предположил второй работяга.

– Незачем, – возразил старший механик, мужчина с выбитыми передними зубами. – Прыснуть туда немного WD-40, и все дела... И то кожу он уже ободрал. Может, еще и без большого пальца останется.

– А мне кажется, что нужно разобрать всю эту чертову штуковину, – внес свою лепту третий механик. – Больше ничего не остается, если вы, мистер, хотите получить свою конечность обратно. У меня брат как-то застрял в своей «Исудзу»...

Лоуренс тяжело вздохнул. Молчун Бромли вырулил со стоянки и поехал по шоссе на запад.

– Дар, возьми на пассажирском сиденье папку. Мне нужно, чтобы ты разобрался сегодня с этим случаем.

Дарвин обошел машину и достал папку. Заглянув внутрь, он сказал:

– Нет, Ларри. Ты же знаешь, я терпеть не могу ничего подобного...

Лоуренс кивнул.

– Я собирался заняться этим сам после того, как сниму на пленку встречу в пустыне. Но тебе придется сделать это за

меня. Я могу задержаться.

И он тоскливо проводил глазами лиловый «Форд».

– Еще одна просьба. Дар. Достань, пожалуйста, из моего правого кармана носовой платок.

Когда Дар это сделал, Ларри приказал, обращаясь ко всем зевакам:

– Отойдите!

И дважды дернул застрявшую руку, пытаясь ее вытащить. Тщетно, капкан не разжал железных челюстей. Третья попытка была такой яростной, что «Исудзу» содрогнулась.

– Йа-а-а! – закричал Лоуренс, словно каратист с черным поясом, разбивающий ладонью кирпичи.

Он ухватился свободной рукой за правое запястье и рванулся всеми своими килограммами назад. На асфальт брызнула кровь, едва не запачкав кроссовки малолетней наблюдательницы. Та отпрыгнула назад и встала на цыпочки.

– У-у-ух, – в едином порыве выдохнула толпа. В этом дружном возгласе неразрывно слились восторг и отвращение.

– Спасибо, – сказал Лоуренс, принимая протянутый Дарвином платок.

И принялся перевязывать окровавленную ладонь. Пока Ларри садился за руль машины и включал зажигание, Дар сунул сотовый телефон в верхний карман рубашки своего начальника.

– Может, мне поехать с тобой? – предложил Дар. Он жи-

во представил себе, как Лоуренс слабеет от потери крови, но снимает встречу угонщиков, как преступники замечают солнечный блик на объективе его камеры. Затем погоня по пескам пустыни. Стрельба. Лоуренс теряет сознание. Кошмарная развязка.

– Нет, – отрезал Ларри. – Просто опроси свидетеля из этого дома престарелых, а завтра приезжай к нам.

– Ладно, – устало согласился Дарвин.

Он предпочел бы нестись по пустыне, отстреливаясь от бандитов, чем идти на этот проклятый опрос свидетеля. Обычно Лоуренс и Труды не поручали ему таких дел.

«Исудзу» взревела и покатила к шоссе. «Форд» уже успел превратиться в маленькую лиловую точку на горизонте.

Четверо механиков в черных робах уставились на кровавые пятна, испачкавшие белый бетон.

– Бо-оже, – наконец произнес младший из них, – настоящий придурок!

Дар забрался на черное кожаное сиденье нагретой под солнцем «Акуры» и пробормотал себе под нос:

– До десятки самых выдающихся глупостей все-таки не дотягивает. – Потом включил зажигание, щелкнул регулятором кондиционера и покатил на запад.

* * *

Парк-стоянка жилых фургонов – домов на колесах – нахо-

дился в Риверсайде, неподалеку от пересечения 91-го и 10-го шоссе. Дарвин подъехал со стороны Баннинга. Он легко отыскал нужную улицу, заехал на территорию парка и остановил машину под раскидистым тополем, чтобы спокойно дочитать до конца бумаги в папке.

– Черт, – прошипел Дар через минуту.

Судя по предварительному заключению Лоуренса и документам страховой компании, этот парк домов на колесах приобрел статус сообщества престарелых сравнительно недавно. Здесь разрешалось постоянно проживать только лицам, достигшим пятидесяти пяти лет, хотя внуки и прочие молодые родственники могли навещать их и оставаться на ночь. Но в целом возраст обитателей этого заведения приближался к восьмидесяти.

Из записей следовало, что большинство старейших жильцов проживало здесь еще до того, как пятнадцать лет назад парк превратился в дом престарелых.

Владелец парка – и, соответственно, дома престарелых – нес высокую личную ответственность по обязательной страховке жильцов. Это был относительно редкий случай – страховой вклад владельца доходил до ста тысяч долларов. Дар отметил про себя, что у владельца, мистера Гиллея, имеется несколько парков-стоянок, причем во всех проживающие были застрахованы на тех же условиях. Судя по всему, здесь часто происходят несчастные случаи, потому эти заведения считаются зоной риска у страховых компаний, которые не

желают выплачивать обычную полную страховую компенсацию. Либо хозяин отличается редкой небрежностью, либо ему просто не везет.

Четыре дня назад Гиллей сообщил, что в этом доме произошёл несчастный случай со смертельным исходом – погиб один из жильцов. Дом престарелых носил название «Отдых в тени», хотя большая часть старых деревьев высохла, а молодые деревца почти не давали тени.

Хозяин парка сразу же позвонил своему адвокату, а тот – в агентство Стюартов, чтобы эксперты восстановили картину происшествия и определили, виновен его клиент или нет. Для Лоуренса и Труди это было довольно заурядное дело. Дар ненавидел такие задания – подстроенные падения, оплошности, халатность и тому подобное. Все то, что давало хлеб насущный толпам частных адвокатов. Именно поэтому Дарвин, подписывая контракт, изначально договорился со Стюартами, что будет расследовать преимущественно более сложные дела.

В бумагах не было подробного описания этого несчастного случая, но адвокат Гиллея сообщил по телефону, что нашёлся очевидец – старожил дома престарелых по имени Генри. И что этот Генри будет ждать следователя в местном клубе в 11 утра. Дар сверился с часами. Без десяти одиннадцать.

Он пролистал расшифровку записи телефонного звонка адвоката. Выяснились некоторые подробности. Один из старожилков этого пансионата, мистер Вильям Дж. Трихорн, се-

мидесяти восьми лет, переезжал на инвалидной коляске через бордюры тротуара у здания клуба, упал и ударился головой о мостовую, вследствие чего скончался на месте. Это случилось вечером, около одиннадцати часов, поэтому Дар сразу же поехал к клубу, чтобы осмотреть место происшествия, особенно степень его освещенности.

Клуб оказался обветшалым одноэтажным зданием, настоятельно нуждающимся в ремонте. Однако вдоль дорожек, ведущих к клубу, была размещена подсветка, а поблизости высились на тридцатифутовых столбах три фонаря с натриевыми лампами низкого накала. Дарвин немного удивился, поскольку такие лампы чаще использовались в Сан-Диего, из-за Паломарской обсерватории, чтобы уменьшить световой фон города. Получалось, если, конечно, все это освещение работало, что место происшествия было освещено более чем достаточно. Один – ноль в пользу местного владельца.

Дар не спеша подъехал к зданию клуба и отметил в своем желтом блокноте, что участок дороги перед ним обнесен желтой предупреждающей лентой и огорожен красно-белыми конусами. Судя по всему, здесь велись ремонтные работы – мостовая была взломана, вокруг лежали инструменты, а у обочины стоял асфальтовый каток.

Дарвин подъехал к небольшой стоянке, припарковал машину у клуба и вошел внутрь. Видимо, кондиционеров здесь никогда не водилось, потому что в здании было душно и жарко.

За столиком у окна группа стариков играла в карты. За окном виднелся неухоженный бассейн – его облицовочная плитка потрескалась и местами отвалилась, а вода покрылась зеленой ряской. Дар подошел к столику и остановился рядом, не спеша заводить разговор, хотя игроки больше внимания уделяли не игре, а вошедшему незнакомцу.

– Прошу прощения, что прерываю игру, – промолвил Дарвин, – но нет ли среди вас, джентльмены, человека по имени Генри?

Из-за стола поднялся пожилой мужчина, годков восьмидесяти. Он был низеньким, примерно метр шестьдесят, и худощавым. Костлявые, тощие ноги торчали из широких, не по размеру, шортов, но рубашка и кроссовки были новыми и дорогими. Голову венчала бейсболка с рекламой казино Лас-Вегаса. На запястье поблескивал золотой «Ролекс».

– Генри – это я, – сказал он, протягивая Дарвину веснушчатую руку. – Генри Голдсмит. А вы, наверное, из страховой компании. Пришли узнать про несчастный случай с Братишкой?

Дар представился и спросил:

– Братишка – это мистер Вильям Дж. Трихорн?

– Братишка. Все называли его Братишкой. Никто не называл его Вильямом или Вилли. Братишка, и все, – промолвил один из стариков, не отрывая взгляда от карт.

– Это правда, – тихо и печально сказал Генри Голдсмит. – Я знал Братишку... Господи... уже тридцать лет. И он всегда

был Братишкой.

– Вы видели, как с ним произошел этот несчастный случай, мистер Голдсмит?

– Генри, – поправил старик. – Зовите меня Генри. Да, видел... Только я и видел. Черт, да из-за меня все и случилось.

Голос Генри дрогнул, и последнюю фразу он промолвил едва слышно.

– Давайте перейдем за свободный столик, и я все вам расскажу.

Они сели за самый дальний стол. Дар снова представился и объяснил, кем он работает и для чего ему эти сведения. А затем спросил Генри, не возражает ли тот, чтобы их разговор записывался на магнитофон.

– Вы можете ничего мне не рассказывать, если не хотите, – закончил Дар. – Я просто собираю информацию для клиента нашей фирмы, адвоката владельца этого дома.

– Конечно, расскажу, – промолвил Генри, отмахиваясь от своих законных прав. – Расскажу, как это случилось.

Дарвин кивнул и включил магнитофон. У данного аппарата был направленный высокочувствительный микрофон. Первые десять минут Генри рассказывал о себе. Они с женой жили по соседству с Братишкой и его супругой с того самого дня, как этот парк стал домом для престарелых. Они дружили семьями много лет, еще с той поры, когда проживали в Чикаго. Но вот дети повзрослели и разлетелись кто куда, и они решили переехать в Калифорнию.

– Два года назад у Братишки случился удар, – сказал Генри. – Нет... нет, три года назад. Как раз когда «Смелые» из Атланты выиграли ежегодный чемпионат по бейсболу.

– Когда Дэвид Джастис пропустил мяч? – машинально добавил Дар.

Единственный вид спорта, который он признавал, был бейсбол. Если, конечно, не считать шахматы спортом. Дарвин вот не считал.

– Одним словом, – продолжил Генри, – у Братишки был удар. Как раз тогда.

– Поэтому мистер Трихорн приобрел коляску?

– Пардик.

– Прошу прощения?

– Ну, его коляску сделала фирма «Пард», потому Братишка прозвал ее пардиком. Ну, как свою зверушку.

Дар вспомнил, как выглядит такая инвалидная коляска. Небольшая, трехколесная, похожая на увеличенный детский велосипед. Аккумулятор питает маломощный мотор, который приводит в движение задние колеса. Такие коляски оснащаются либо педалями газа и тормоза, как тележки для гольфа, либо ручными переключателями – для инвалидов, у которых отказали ноги.

– После удара у Братишки парализовало всю левую сторону, – продолжал Генри. – Левая нога не работала, просто волочилась по земле. Левая рука... ну, Братишка просто укладывал ее на колени. Левая половина лица вот так оплыла и

не шевелилась, так что ему трудно было говорить.

– Он мог общаться с другими людьми? – осторожно спросил Дар. – Мог высказать свои желания?

– Ну конечно, – ответил Генри, улыбнувшись Дарвину так, словно рассказывал о своем любимом внуке. – С головой у него было все в порядке. А речь... ее понимали с трудом. Но Розы, Верна и я всегда разбирали, что он хочет сказать.

– Розы – это жена мистера Трихорна... гм... Братишки, так?

– Да, первая и единственная. Уже пятьдесят два года, – кивнул Генри. – А Верна – моя третья жена. В этом январе будет двадцать два года, как мы поженились.

– Вечером, когда произошел несчастный случай... – начал Дар, мягко пытаясь вернуть разговор в нужное русло.

Генри нахмурился, понимая, что его хотят подтолкнуть к основной теме.

– Вы, молодой человек, спросили, мог ли он высказывать свои пожелания. Так вот, он мог... но в основном только Розы, Верна и я понимали, чего он хочет, и... как бы это... переводили его речь остальным.

– Хорошо, сэр. – Дар терпеливо снес этот маленький взрыв протеста.

– А несчастный случай произошел вечером... четыре дня назад... Мы с Братишкой, как всегда, отправились в клуб перекинуться в картишки.

– Значит, в карты он мог играть, – отметил Дар. Паралич

всегда оставался для него непонятным и пугающим явлением.

– Ну да, еще как мог! – воскликнул Генри и снова улыбнулся. – И чаще всего выигрывал. Говорю же вам, паралич разбил левую половину его тела и... ну, затруднил речь. Но мозги у него остались прежние. Да уж, Братишка соображал получше некоторых!

– Случилось ли что-то необычное в тот вечер? – спросил Дар.

– С Братишкой? Ничего, – твердо ответил Генри. – Я зашел за ним без пятнадцати девять, как и каждую пятницу. Братишка проворчал что-то, но мы с Розы поняли, что к ночи он собирается вытряхнуть всех партнеров из штанов. Ну, выиграть. Так что с Братишкой в тот вечер все было в порядке.

– Нет, – покачал головой Дар. – Я имел в виду сам клуб, или дорожку перед ним, или...

– А-а, тогда да, – ответил Генри. – Потому все и случилось. Эти придурки, которые ремонтировали дорогу, оставили дорожный каток перед пандусом, по которому Братишка обычно заезжал на своем пардике.

– Возле центрального входа, так?

– Да, – согласился Генри. – Это единственный вход, который открыт после восьми вечера. А мы начинаем игру в девять и сидим до полуночи, а то и позже. Но Братишка всегда уезжал к одиннадцати, чтобы вернуться к Розы тогда, когда

она будет укладываться спать. Она никогда не ложилась, если Братишки не было рядом и...

Генри запнулся. Его ясные голубые глаза затуманились, словно он с головой ушел в воспоминания.

– Но в ту пятницу единственный пандус загромождал асфальтовый каток, – заключил Дар.

Генри очнулся, и его взгляд снова сосредоточился на собеседнике.

– Что? А, да. Я об этом и толкую. Пойдемте, я все покажу.

Они вышли на раскаленную улицу. Мостовая у ближайшего пандуса щеголяла новыми асфальтовыми нащепками.

– Этот проклятый каток, – начал Генри, – загородил подъем, так что Братишка не мог завести пардик на тротуар.

Он повел Дара вдоль бордюра. Дарвин отметил, что бортик тротуара поднимался не отвесно, а под углом примерно восемьдесят градусов, для удобного подъезда машин. Но маленькая инвалидная коляска Братишки не могла преодолеть такой подъем.

– Но с этим все было просто, – продолжил Генри. – Я кликнул Херба, Уолли, Дона и еще пару ребят, и мы подняли Братишку на пардике и перенесли на тротуар. И начали игру.

– Вы играли до одиннадцати вечера, – уточнил Дар. Магнитофон он держал у пояса, но направлял микрофон в сторону рассказчика.

– Так и было, – медленно произнес Генри, припоминая тот ужасный вечер. – Братишка заворчал. Остальные его не

поняли, но я знал, что он хочет вернуться домой, потому что Розы не любит засыпать одна, без мужа. Поэтому он забрал выигрыш, и мы отправились на улицу.

– Только вы вдвоем?

– Да. Уолли, Херб и Дон остались играть дальше – в пятницу они засиживались допоздна, – а ребята постарше уже ушли домой. Потому мы с Братишкой были одни.

– И каток все еще стоял у пандуса, – заметил Дар.

– Стоял, куда же он мог деться? – запальчиво произнес Генри, раздраженный тупостью Дарвина. – Разве эти недомки вернулись туда к одиннадцати вечера и отогнали его в сторону? Дудки! Потому Братишка подвел пардик к тому месту, где мы поднимали его на тротуар, но спуск оказался... ну, слишком крутым.

– И что вы предприняли? – спросил Дар, уже понимая, что случилось потом.

Генри потер подбородок.

– Ну, я сказал ему: «Давай попробуем съехать на углу», – мне показалось, что бордюр там не такой высокий. И Братишка согласился. Он повел пардик мимо этого пандуса вон туда, футов тридцать в сторону... Идемте, я покажу.

Они подошли к тому месту, где тротуар поворачивал под прямым углом.

Дар отметил, что одна из натриевых ламп слабого накала стояла прямо у поворота. Генри сошел на мостовую и встал лицом к Дару. Звенящим от слез голосом он начал описы-

вать события того вечера, неустанно размахивая пятнистыми руками.

– Мы добрались вот сюда, но бордюр оказался не таким уж и низким. Ну, он был как и везде. Но в темноте мы решили, что он пониже. И я предложил Братишке съехать передним колесом на дорогу и дать газу. Нам казалось, что здесь не так высоко. Проклятая темнота!

Генри замолчал.

– Значит, Братишка съехал вниз передним колесом? – мягко уточнил Дар.

Генри поглядел на бордюр мутным взглядом, словно впервые увидел это место.

– Ах да. Сперва все было хорошо. Я взялся за коляску справа, и Братишка тронул пардик вперед, так что переднее колесо нависло над дорогой. Все шло так хорошо... Я придерживал коляску, чтобы она не сильно ударилась, когда задние колеса съедут с бордюра. Когда переднее колесо нависло над дорогой, Братишка посмотрел на меня, и я сказал: «Все в порядке, Братишка. Я держу. Я тебя держу».

Генри показал, где он стоял и как держался за пардик обеими руками.

– Братишка включил двигатель правой рукой, но газ не выжал. И я снова сказал: «Все в порядке, Братишка, сейчас мы спустимся на мостовую левым задним колесом, а я тебя придержу. Ты дашь газу, и правое колесо съедет само собой. И мы будем на дороге и поедем домой».

Генри снова умолк. Дарвин стоял и ждал, когда старик вынырнет из воспоминаний.

– И коляска поехала. Я держал ее обеими руками... Я всегда был очень сильным, мистер Минор, двадцать шесть лет работал грузчиком в чикагской транспортной фирме, пока два года назад эта проклятая лейкемия меня не подкосила... И вот левое колесо соскочило с бордюра, и коляска начала клониться влево. Братишка посмотрел на меня, он не мог ведь шевелить левой рукой или ногой, и я сказал: «Все хорошо. Братишка, я держу ее обеими руками». Но коляска продолжала крениться. Она ведь тяжелая. Очень тяжелая. Я думал сперва подхватить Братишку, но он был пристегнут ремнем, он всегда пристегивался. Я выбивался из сил, но держал коляску. Держал обеими руками, но она все равно заваливалась все сильнее... Это тяжелая штука, с аккумулятором, мотором и всяким таким прочим... у меня руки стали скользкими от пота. Потом уже я сообразил, что можно было позвать ребят, которые остались в клубе, но в тот момент... Мне это не пришло в голову. Вы знаете, как оно бывает.

Дар кивнул.

Глаза Генри налились слезами, он заново переживал горестные события того вечера.

– Я чувствовал, что коляска падает, что мои руки соскальзывают, и ничего не мог поделать. Понимаете, она оказалась слишком тяжелой для меня. Тогда Братишка посмотрел на меня своим хорошим глазом и, мне кажется, понял, что про-

исходит. Но я сказал: «Братишка, все хорошо, я держу. Крепко держу. Я удержу тебя».

С минуту Генри молча глядел на угол тротуара. По щекам его катились слезы. Когда он снова заговорил, голос его звучал тускло и безжизненно.

– Потом коляска наклонилась еще сильнее и упала, а Братишка ничего не мог сделать. У него же была парализована левая часть тела... Она упала, и... этот треск и хруст... это было так страшно...

Генри поднял глаза на Дарвина.

– А потом Братишка умер.

Старик умолк. Он остался стоять в той же позе, в какой его застала смерть друга, – руки вытянуты и напряжены, словно пардик только что выскользнул у него из пальцев.

– Я хотел помочь ему вовремя вернуться домой, чтобы он пожелал Розе спокойной ночи, – прошептал Генри.

Позже, когда он ушел, Дар просчитал расстояние от головы Братишки, сидящего на пардике, до асфальта мостовой – четыре фута шесть дюймов.

Но в ту минуту он молча стоял рядом с несчастным стариком, который медленно разжал сведенные судорогой пальцы и выпрямился. Его руки дрожали.

Генри снова посмотрел на мостовую.

– А потом Братишка умер, – повторил он.

Дар свернул с 91-го шоссе на 15-е, направляясь к себе до-

мой, в Сан-Диего.

«Твою мать, – думал он. – Рабочий день начался в четыре утра. Пропади оно все пропадом!» Конечно, он распечатает записанный на магнитофон разговор и передаст его Лоуренсу и Труди, но черта с два согласится вести это дело. Сердце саднило, словно в нем сидела заноза. Компанию по производству инвалидных колясок привлекут к суду, в этом он не сомневался. Владельца дома для престарелых тоже привлекут к ответственности, это уж точно. Строительную компанию, рабочие которой оставили асфальтовый каток у пандуса, привлекут в любом случае.

Но подаст ли Роза в суд на Генри? Наверняка. В этом Дар почти не сомневался. Тридцатилетняя дружба... Он хотел помочь своему другу Братишке вернуться домой вовремя, чтобы поцеловать жену перед сном. Но через пару месяцев... может быть, другой судья...

«Твою мать! – подумал Дар. – Я не буду в это влезать. И пальцем не коснусь этого дела!»

* * *

На 15-м шоссе в это время суток машин почти не было, потому Дар сразу же заметил «Мерседес Е-340», который летел по ближайшей полосе слева от «Акуры». Переднее и боковые стекла «Мерседеса» были тонированы, что в Калифорнии запрещено. Копам удалось пропихнуть это поста-

новление – никому не хотелось и близко подходить к машине с непрозрачными стеклами. Кто его знает, что там внутри? Увязавшийся за Даром «Мерседес» был новым и скоростным, с восемнадцатидюймовыми шинами, приподнятым багажником и маленьким спойлером. Дарвин считал, что те, кто покупает шикарные автомобили – например, «Мерседесы» класса «люкс», – а потом переделывают их в скоростные спортивные машины, чтобы хвалиться ими перед другими водителями, – худшие из всех возможных идиотов. Идиоты с амбициями.

Потому он поглядывал в зеркальце заднего вида на «Мерседес», который пошел на обгон по левой полосе. Этот участок магистрали был пятиполосным, три полосы пустовали, но «Мерседес» решил пройти впритирку с машиной Дарвина, словно они были на финишной прямой Дэйтоны-500. Дар только вздохнул. Это неизбежное зло, с которым приходится мириться, если ты водишь серьезную спортивную машину вроде «Акуры NSX».

«Мерседес» начал обгон и, поравнявшись с «Акурой», внезапно сбросил скорость. Дар бросил взгляд налево и увидел собственную физиономию в солнцезащитных очках на носу, отраженную в тонированном окне большого немецкого автомобиля.

Когда стекло начало опускаться, интуиция заставила Дара немедленно пригнуть голову. Из окна высунулось черное металлическое рыло то ли «узи», то ли «Мак-10» и изрыг-

нуло огонь. Левое боковое окно «Акуры» разлетелось брызгами осколков, осыпав голову Дарвина стеклянным дождем, и алюминиевый корпус «Акуры» прошила автоматная очередь.

Глава 3. В – выдержка

Пальба продолжалась не более пяти секунд, но Дарвину они показались вечностью.

Дар распластался под приборной доской, уткнувшись носом в кожаную обивку пассажирского сиденья. Словно карнавальное конфетти, сверху на него сыпалось битое стекло. Левой рукой Дар до сих пор цеплялся за нижний полукруг рулевого колеса, а правым каблуком изо всех сил давил на тормоз. На дороге было пусто, не считая «Акуры» и этого чертова «Мерседеса». Левой ногой он выжал сцепление, а левой рукой, которая оказалась выше вжатой в сиденье головы, перевел рычаг переключения передач с четвертой скорости на третью. Пули грохотали о дверцу и капот машины, и Дарвину показалось, что теряющая скорость «Акура» – это огромная железная бочка, по которой кто-то изо всех сил лупит палкой.

Машина остановилась, как Дар искренне надеялся, у обочины магистрали. Он не спешил поднимать голову и проверять, так ли это. Когда стрельба утихла, он еще некоторое время лежал на сиденье, не шевелясь. Затем Дар ужом переполз через пассажирское сиденье – осколки стекла посыпались с его спины и головы, – перевел рычаг коробки передач на нейтральную, потянул на себя стояночный тормоз и выпал на мостовую через пассажирскую дверцу.

Прижавшись всем телом к асфальту, Дарвин оглядел дорогу из-под низкого брюха своей спортивной машины. Более всего он хотел знать, не остановился ли «Мерседес» рядом с ним. Если да, то пиши пропало, потому что до отгораживающего магистраль заборчика его отделяло добрых тридцать ярдов, а укрытия никакого.

Но колес чужой машины не было видно. Затем Дар услышал рев двигателя и, приподнявшись на локте за передним колесом «Акуры», разглядел быстро удаляющийся серый «Мерседес».

Пошатываясь, Дар поднялся. Адреналин еще бурлил в крови, желудок сводило. Только тут он сообразил поглядеть, не ранило ли его. Ощупав левое ухо, Дарвин испачкал пальцы кровью, но было ясно, что это не серьезное ранение, а простая царапина. Если не считать еще парочки порезов от разлетевшихся осколков стекла, Дар остался невредим. Мимо прокатила «Хонда Сивик» с круглолицым водителем, который уставился на Дара и изрешеченную пулями «Акуру» не менее круглыми глазами.

Дарвин оглядел свою машину. Нападающие патроны не жалели, и дырок в корпусе было преизрядно. Все стекла – вдребезги. В основании рулевой колонки зияла дырка, в глубине пулевого отверстия поблескивал алюминий. В дверце со стороны водителя оказалось три дыры. Дарвин получил бы пулю в задницу, если бы не стальная противоударная распорка, от которой и срикошетила пуля, а еще две пули вле-

пились возле самой дверной ручки.

Когда «Акура» сбросила скорость, несколько пуль попали в переднюю часть машины, зато колеса не пострадали. Все выстрелы пришлись либо на покатый капот, либо на салон автомобиля, либо на бампер. Если бы в «Акуре» двигатель находился впереди, то все закончилось бы гораздо плачевней.

Но в спортивных моделях его размещали сразу позади водительского кресла. Судя по ровному урчанию, мотор уцелел и работал исправно. К тому же колеса и все основные детали машины остались неповрежденными, и это решило дело.

Дарвин стянул рубашку, вымел ею осколки с водительского сиденья, сел за руль и тронулся с места. Серый «Мерседес» только что скрылся из виду за пригорком в двух милях впереди. Когда он проезжал мимо других машин, то двигался со скоростью явно не семьдесят миль в час, как положено на автомагистрали между штатами, а на двадцать с хвостиком миль быстрее.

Дар переключил на третью передачу и выжал сто миль в час. Вскоре он обогнал «Хонду», мимоходом отметив, что круглолицый водитель снова вытаращился на пробитую пулями «Акуру».

«Я свихнулся», – подумал Дар и врубил четвертую передачу.

Шестицилиндровый мотор бодро взревел на 7800 оборотах в минуту, заключенные в железных тисках лошадиные

силы вырвались на свободу, и спортивная машина ринулась вперед.

Дара захлестнула злость. Холодная, всепоглощающая злость. Он давно уже не чувствовал себя таким разъяренным. Дарвин передвинул рычаг коробки передач на пятую скорость и вжал в пол педаль газа.

Он обошел слева две машины и небольшой трейлер. Из-за доплеровского эффекта обгоняемые машины отзывались низким утробным гулом. Взлетев на пригорок, он увидел серый «Мерседес», поднимающийся на следующий холм в трех милях впереди. Он мчался по крайней левой полосе и удерживал скорость сто миль в час. Дарвин потянулся к карману рубашки за своим телефоном... и сообразил, что рубашку-то он снял, чтобы смести ею осколки с кресла, а потом швырнул на пассажирское сиденье. Он похлопал по рубашке, но мобильника не нащупал. Видимо, телефон вывалился на землю, когда он вылезал наружу, прятался за машиной или выметал осколки стекла.

«Черт!» Дар убедил себя, что это уже неважно – рев ветра, задувающего в разбитые боковые окна, неизбежно заглушит любой разговор. Так что в полицию все равно не сообщишь. Хорошо хоть ветровое стекло цело, не считая двух трещинок-паутинок в верхнем левом углу.

Не отрывая взгляда от дороги и «Мерседеса», Дарвин улучил минуту и скосил глаза на спидометр: 158. Поддал газу и одновременно подхватил сумку со съемочным оборудова-

нием, которая лежала на полу перед пассажирским креслом. «Боже, – мысленно взмолился Дар, – хоть бы эти ублюдки не испортили мои камеры!» Быстро орудуя свободной рукой и время от времени отрывая взгляд от дороги, Дарвин открыл сумку и бесцеремонно вывалил ее содержимое на пассажирское сиденье. На этот раз он потянулся не за цифровой видеокамерой, а за «Никоном» и длиннофокусным объективом.

Дар пристроил «Никон» между колен, поставил переключатель на длинный фокус и начал менять объектив, пока машина летела по склону холма на скорости 165 миль в час.

Обычно для этой процедуры требовалось обе руки: одной нажимать кнопку, которая управляет зажимами, а второй снимать ненужный объектив и прикручивать другой. Но ему уже приходилось проводить эту операцию одной рукой. Правда, не на такой скорости.

Краем глаза Дарвин заметил, как по боковой дороге на магистраль вырулила патрульная машина. Бросив взгляд в зеркальце заднего вида, он увидел, что черно-белый полицейский автомобиль ринулся за ним в погоню, сверкая разноцветной мигалкой. Возможно, патрульные запустили и сирену, но за гулом ветра в салоне Дар ничего не слышал.

Ему повезло, что полицейская машина оказалась «Мустангом» – судя по виду, модели 94-го года, – оснащенным типичным для них триста вторым восьмицилиндровым двигателем. Приглядевшись, Дар отметил, что водитель и его

напарник молоды и, судя по скорости «Мустанга», они вошли в азарт и не собираются прекращать погоню. «Вот уж везет», – подумал Дар, снова переключая все внимание на серый «Мерседес». Каким-то чудом его солнцезащитные очки «Серенгети» не свалились с носа во время ползания, прыжков и всей предыдущей катавасии. Они частично защищали глаза от неистового ветра, бушующего в салоне, так что без них нечего было и думать догнать проклятый «Мерседес». Снова повезло.

Теперь его отделяло от «Мерседеса», который сбросил скорость до восьмидесяти пяти, примерно двадцать корпусов. Но в эту минуту водитель «мерса» заметил в зеркальце «Акуру» или сверкающую огнями патрульную машину либо и то и другое вместе, потому что «Мерседес» резко увеличил скорость и начал петлять между машинами, перестраиваясь из ряда в ряд. Он выгадывал минуту, втискивался в свободное пространство, обгонял и срезал углы на поворотах, маневрируя по всем пяти полосам автомагистрали.

Дарвин гнал за ним по пятам. Он знал, что в обычные «Мерседесы» встроен ограничитель скоростей, который не позволит превысить отметку 130 миль в час. Но этот вылезший из тюнинга серый сукин сын с тонированными стеклами уже перевалил за 155, легко шныряя туда-сюда в плотном потоке автомобилей.

«Черт бы его побрал», – подумал Дар. В левой руке он сжимал «Никон» с двухсотмиллиметровым объективом, а

правой выворачивал руль, бросая машину то вправо, то влево. Но «Мерседес» упорно держался в четверти мили впереди, так что четко снять его номер было невозможно. Притом Дарвин понятия не имел, сможет ли он удержать камеру ровно, даже если и сумеет подобраться к «Мерседесу» поближе.

Плевать! Он выронил «Никон» на колени, вцепился в рулевое колесо обеими руками и бросил «Акуру» из крайнего правого ряда в крайний левый, чтобы не отстать от противника. На спидометре было уже 170, и стрелка приближалась к запретной красной черте. Дару отчаянно не хотелось сжечь двигатель своей «Акуры» – она была настоящим произведением искусства, собранным на японском заводе одним выдающимся мастером. Где-то на алюминиевой коробке двигателя иероглифами было выгравировано его имя. В эпоху суперсовременных двигателей с наддувом, с турбонаддувом и прочим «дувом» в его «Акуре» был обычный шестицилиндровый мотор, который развивал высокие обороты только благодаря высокому качеству сборки. Погубить такой двигатель было бы настоящим кощунством. Тем не менее Дарвин продолжал вжимать педаль газа в пол – или, если хотите, в шикарный коврик из черной резины, под которым было шикарное черное ковровое покрытие. Стрелка спидометра уползла за красную отметку. Двигатель «Акуры» пронзительно взвыл, и расстояние между преследователем и преследуемым начало сокращаться.

Здравая часть дарвиновского рассудка задалась вопро-

сом: «А что, если они притормозят и снова выстрелят в меня?» У него не было оружия в машине. Дома тоже не было. Дар в принципе ненавидел оружие. «А что, если я заторможу и меня пристрелят патрульные? – предположила часть его сознания, отравленная адреналином. – Нет, лучше я первым достану этих сволочей!»

«Мерседес» перестроился из крайней левой полосы в крайнюю правую, оттирая по пути две автомашины. Одна из них, фургон «Форд Виндстар», затормозила слишком резко, так что четырежды повернулась вокруг своей оси, прежде чем остановилась носом в ту сторону, откуда ехала. Когда Дар проносился мимо нее на скорости 168 миль в час, то заметил белые как мел лица водителя и женщины-пассажира.

«Вот так все и закончится, придурок! – надрывалась здравая часть его рассудка, обращаясь к затуманенному адреналином и яростью сознанию Дарвина. – В кино автомобильные погони всегда выглядят эффектно и волнующе. Смотришь – и визжишь от восторга. А на самом деле это погибшие семьи, невинные жертвы, а ты ведь даже не коп! У тебя нет никаких прав устраивать смертельную гонку».

Обезумевший Дар в чем-то был согласен с Даром трезвомыслящим – теоретически. Глянув в зеркальце, он заметил, что полицейский «Мустанг» развил такую скорость, что слегка подлетел над верхушкой холма примерно в миле позади «Акуры». Но Дарвин был так зол, как никогда за много-много лет. А «Мерседес» находился всего в ста ярдах впе-

реди, снова перестроившись в крайний левый ряд, да и движения на этом участке почти не было...

Дар снял ногу с газа и пристроил «Никон» на край выбитого бокового окошка, объективом внутрь. Больше всего Дарвин боялся, что ветер может вырвать дорожную камеру из рук.

«А что, даже забавно», – подумал он, прикидывая, что ему придется снимать через ветровое стекло, придерживая руль локтями, потому что для равновесия нужно держать «Никон» обеими руками. Рулить придется левым коленом. Остается переставить переключатель камеры на «авто» и молить бога, чтобы удался хотя бы один снимок.

«Мерседес» затормозил и так быстро переметнулся через пять полос, что едва избежал столкновения с грузовиком. Чиркнув крылом по дорожному указателю, он едва вписался в поворот, свернул на боковую дорогу и пулей понесся в сторону города.

«Твою мать!» – мысленно взвыл Дар и резко затормозил, чтобы не врезаться в автобус «Грейхаунд», нажал на тормоз и быстро преодолел три полосы, оставшиеся до выезда с магистральной. Задние колеса «Акуры» подпрыгнули на бордюре, и машина помчалась по боковому шоссе. Краем глаза Дар успел уловить надпись на указателе – «Улица Озерная».

Отлично, он понял, где находится. Дорога, по которой он преследовал серый «Мерседес», тянулась до самого озера Эльсинор и не вела никуда, кроме спальных кварталов «Эль-

синов». Когда-то она считалась старой альберхиллской трассой, но сам поселок они уже успели проскочить.

Дар оглянулся и увидел, что следом увязались еще две машины шерифа этого округа – два «Шевроле», «Монте-Карло» и «Импала», которые выехали из города на перехват. И «Мерседес», и «Акура» пронеслись мимо развилки прежде, чем «Шевроле» выкатили на трассу, но Дарвин услышал пронзительный вой сирен за спиной. «Шеви» мчались всего в ста ярдах от «Акуры», «Мустанг» тоже не отставал, все норовя их обойти и встать во главе погони.

«Как только я поравняюсь с “Мерседесом”, – отстраненно, словно мысленно проигрывая партию в шахматы, думал Дарвин, – эти ребята меня пристрелят». Он глянул в зеркальце заднего вида. «Если я остановлюсь, копы, скорее всего, стрелять в меня не станут. Но они так увлекутся арестом, что и не подумают преследовать «Мерседес». В это время впереди вспыхнули тормозные огни «Мерседеса». Дару ничего не оставалось, как тоже затормозить. Большие, семнадцатидюймовые тормозные колодки мгновенно снизили скорость маленькой спортивной машины, из-за чего Дарвина сплющило ускорением, но прочный ремень безопасности надежно удержал его в кресле. «Мерседес» потерял управление, его мотнуло вправо-влево, он перемахнул через бордюр пустой автостоянки, подскочив так высоко, что Дар увидел трехфутовый просвет под его днищем. Затем серый автомобиль приземлился на дорогу, выровнялся без особого труда и, поддав

газу, пронесся по боковой улице.

Таблички с названием улицы видно не было, но, сворачивая в ту же сторону, Дарвин не беспокоился. Он бывал здесь не раз и прекрасно знал, как она называется – Риверсайд-роуд. Собственно, отсюда начиналось 74-е шоссе, узкая двухполосная дорога, которая шла через горы и Кливлендский национальный парк и примерно в тридцати двух милях западнее вливалась в магистраль номер 1–5 возле Сан-Хуана. Дар постоянно срезал здесь угол, если хотел добраться до магистрали кратчайшим путем.

«Шеви Импала» сворачивать не стала. Краем глаза Дар заметил, как она прошла юзом по заправочной станции, едва не зацепив «Ягуар», который заправлялся у крайней в ряду бензоколонки, и, вылетев на дорогу, скрылась в клубах пыли позади вереницы выставленных на продажу подержанных автомобилей. «Мустанг» и вторая машина шерифа свернули на Риверсайд-роуд следом за «Акурой». Они немного поотстали и теперь оказались примерно в четверти мили позади.

«Сейчас самое время остановиться и сдать властям», – думал Дар, понимая, что никакие протесты не спасут его от тюрьмы. Неожиданно прямо над крышей его машины протарахтел вертолет. Он пронесся над «Мерседесом» и начал описывать круг, чтобы сделать новый заход.

«Полицейский», – решил Дар. Он знал, что у полиции округа Лос-Анджелес есть шестнадцать машин, в то время как в Нью-Йорке их всего шесть.

А потом Дар заметил надпись на боку вертолета. Чудесно! Как раз успеют показать его в «Новостях» в шесть часов, по пятому каналу местного кабельного телевидения. А потом Дарвин сообразил, что, скорее всего, он уже в прямом эфире.

В Южной Калифорнии так часто снимают дорожно-транспортные происшествия, что начали поговаривать об открытии отдельного канала, который только это и будет показывать.

Стараясь не выпустить из виду крышу «Мерседеса», Дарвин прибавил газу, едва удерживая машину на узкой извилистой дороге, которая пошла на подъем. Дар уже давно не участвовал в гонках, но у него все получалось отлично: четко вписаться в поворот на спуске, прибавить скорость, ногой на тормоз, еще один поворот, крутой спуск, сбросить скорость, позволить, чтобы машину немного занесло на повороте, и снова – полный вперед! На всем белом свете найдется немного машин, которые могут потягаться с «Акурой NSX» в такой гонке. К тому времени как он стал подниматься к вершине довольно крутой горки, патрульные машины скрылись из виду, а «Мерседес» находился всего в трех корпусах впереди.

* * *

Позади остались две мили извилистой дороги, и ребята в «Е-340», видимо, решили, что пора избавляться от назой-

ливого преследователя. На повороте под углом в 180 градусов они сбросили скорость. Окно со стороны пассажира опустилось. Оттуда высунулся черноволосый мужчина в черном костюме и выставил перед собой черный ствол «Мак-10».

Заметив направленный на него автомат, Дар отщелкал «Никоном» пять или шесть кадров, держа камеру одной рукой. Оружие огрызнулось огнем. Что-то с металлическим скрежетом чиркнуло по правому крылу «Акуры», но машина осталась на ходу. Дар уронил камеру на колени и сбросил скорость. Заложив небольшой вираж, он подрулил к самому бамперу «Мерседеса». Он отметил, что номер невадский, и запомнил его. Стрелок снова высунулся из окна, но «Акура» была слишком близко. Дарвин передвинулся на левую полосу и поехал почти вровень с «Мерседесом».

Тогда разъяренный убийца начал палить прямо через заднее боковое окно, которое тут же разлетелось во все стороны сверкающими зеркальными осколками. Но Дар уже прибавил газу и пошел бок о бок с их машиной. Окно со стороны водителя резко опустилось, и Дарвин увидел лица врагов.

И запомнил. Обе машины приближались к последнему крутому повороту на скорости восемьдесят пять миль в час.

Дарвин знал, что за поворотом ситуация сложится не в его пользу. До следующего извилистого участка дороги придется проехать вдоль обрыва по прямой, как стрела, трассе. Но прямо на последнем повороте стоял старый ресторан «Кругозор», который давно облюбовали для посиделок

местные байкеры. Дар когда-то останавливался там перекусить, но окружение – два-три десятка ревущих монстров на стоянке и столько же внутри ресторана – пришлось ему не по душе. «Кругозор» стоял справа от дороги, а с южной стороны ресторана прилепилась открытая веранда со столиками. Эта веранда нависала над обрывом, у подножия которого плескалось озеро Эльсинор. Снизу ее поддерживали массивные деревянные балки. За столиками сидели, развалившись, с десятков байкеров. Их мотоциклы стояли прямо перед верандой.

Дарвин вовремя глянул вправо, чтобы заметить, что стрелок привстал с пассажирского сиденья и нацелил автомат прямо ему в лицо, высунув оружие в окно со стороны водителя. Дар ударил по тормозам, пули просвистели над капотом. Он немедленно бросил машину вправо, прибавил газу и ударил в левую дверцу «Мерседеса».

Как Дарвин и планировал, подушка безопасности со стороны водителя тут же вздулась, прижав руку стрелка к оконной раме. Тот выронил «Мак-10», автомат ударился о капот «Акуры», отскочил и слетел на дорогу. Машина Дара была модели 92-го года, с подушкой безопасности только со стороны водителя, но за долгие годы расследования дорожных происшествий он собрал немало информации о случаях, когда причиной аварии становились раздувшиеся не вовремя эти самые подушки, потому свою он давно отцепил.

Дарвин резко затормозил, пропуская вперед летящий на

полной скорости «Мерседес». Шины взвизгнули и задымались, но тормоза не подвели. Педаль тормоза ударила Дарвина в стопу, когда машина пошла юзом. Он сбросил скорость до второй и почти сумел вписаться в крутой поворот. Машина вылетела на обочину, но в ресторан все-таки не врезалась. «Акура» пронеслась по камням, проредила низкие кусты и наконец остановилась в ста с чем-то футах от дороги.

Когда сработала подушка безопасности, стрелок рухнул на водителя, который не ткнулся носом в рулевое колесо лишь потому, что его удерживал ремень. Но управлять машиной он уже не мог. Новый «Мерседес Е-340» пролетел по прямой мимо поворота и врезался в первый ряд припаркованных «Харлеев». Тут же сработала и вторая подушка безопасности, так что водитель, придавленный сверху товарищем, а спереди – мешком, дотянуться до руля уже не сумел. Стрелок, сиденье которого заполнил второй воздушный мешок, отчаянно пытался спасти ситуацию. Он ударил ногой по тормозам, но тяжелую разогнавшуюся машину остановить не так-то просто.

«Мерседес» разметал вправо-влево оставшиеся мотоциклы и влетел на веранду. Вопящие байкеры прыснули во все стороны, спасая свою жизнь. Машина покрошила столики в щепы, пробила полусгнившие перила ограждения и, прыгнув с помоста веранды, как с трамплина, воспарила над обрывом.

На мгновение серый «Мерседес» замер в наивысшей точ-

ке полета, и из боковых окон высунулись две уже знакомые Дарвину физиономии. Они что-то орали прямо в гиросtabilизированные камеры телевизионщиков, которые снимали происходящее из парящего над пропастью вертолета. А через миг автомобиль, едва не ткнувшись в круглый нос стрекочущей машины, полетел вниз с высоты семисот футов.

Левая дверца «Акуры» погнулась и не хотела открываться, а дверь со стороны пассажирского сиденья подпирал большой валун, так что Дар выбрался наружу через окно как раз вовремя, чтобы оказаться в поле зрения подоспевшего «Мустанга» и дымящегося «Шеви Монте-Карло» шерифа. Захлопали дверцы. Нацелились пистолеты. Загремели приказы.

Дарвин встал лицом к собственной машине, расставил ноги, как было велено, сцепил руки на затылке, как было предложено срывающимся голосом, и попытался дышать ровно и глубоко, чтобы побороть приступ тошноты. Адреналиновый шторм в крови утих, оставив обломки и ошметки прежних неистовых чувств.

Насколько Дар успел заметить, бросив взгляд через плечо, позади стояли незнакомые молодые патрульные с длинными номерами на бляхах. Из общей какофонии воплей он разобрал, что они прихлопнут его, на хрен, если он попытается, на хрен, шевельнуться. Дарвин не шевелился. Один из полицейских и шериф наставили на него пистолеты, а второй коп – умудренный опытом ветеран дорожных погонь лет

эдак двадцати трех – подошел, наскоро обыскал Дара и долго дергал его за запястья, прежде чем защелкнул наручники.

Подошли два байкера с банками пива в руках. Один, с длинной бородой, ощерил в ухмылке желтые зубы.

– Эй, парень, ничего себе хренотень ты устроил! Почти грохнули пятый канал! Крутая заваруха, просто рехнуться можно!

Помощник шерифа приказал им убираться обратно в «Кругозор». Подошли другие байкеры и принялись объяснять, что они сроду не были в этом гребаном ресторане, а сидели на гребаной веранде, и вообще, мы, парень, живем в гребаной свободной стране, и нечего тут орать. Только представь, где, как не в Америке, можно увидеть, как новенький «мерс» слетает с семисотфутового обрыва, едва не прихватив по пути вертолет, а?

– Этому сопляку Эдди надо переименовать свой вонючий ресторан, – заметил байкер с татуировкой на бритом черепе. – Из «Кругозора» в «Трамплин»!

Дар обрадовался, когда двое патрульных наконец толкнули его к своему «Мустангу».

– Он ехал к Риверсайду, – сказал шериф, до сих пор не выпустивший из рук свой «кольт».

– Знаем, знаем, – пробурчал старший из юных копов. – Почему бы вам или вашему помощнику не вызвать по рации еще людей сюда и экспертную группу – пока тут не началось столпотворение, а?

Шериф глянул на байкеров, которые принялись изучать останки своих мотоциклов и громко выражать свои чувства. Затем кивнул, нахлобучил фуражку, вложил «кольт» в кобуру и направился обратно к «Монте-Карло».

Его помощник прошелся по разбитому настилу опустошенной веранды, неуверенно остановился у сломанных перил и заглянул в провал, в котором несколько минут назад исчез «Мерседес». Откуда-то снизу раздался нарастающий шум вертолета телевизионщиков. Когда полицейские запихивали Дарвина на заднее сиденье «Мустанга», какая-то часть его сознания продолжала высчитывать, сколько времени понадобится «Мерседесу», чтобы в свободном падении долететь до берега озера. Да, шикарная получилась телепередача.

Последнее, что слышал Дар перед тем, как его увезли с места событий, – как помощник шерифа безостановочно, словно декламируя только что придуманную мантру, бормотал себе под нос: «С ума сойти, с ума сойти, с ума сойти...»

Глава 4. Г – говнюк

Гонки по шоссе и арест Дарвина состоялись во вторник, во второй половине дня. Тем же вечером его отпустили под залог. В среду утром он явился в кабинет заместителя окружного прокурора, контора которого находилась в центре Сан-Диего.

Во вторник, когда Дара сфотографировали, заводя на него дело, он был без рубашки, в одних сандалиях и грязных окровавленных джинсах. Собственно, в чем выехал из дома в четыре утра, в том и был. Исцарапанный осколками стекла, полуголый, со спутанными волосами и двухдневной щетиной, вкупе с «тяжелым взглядом профессионального убийцы», как подшучивали его соратники во Вьетнаме, Дар являл собой образец самого настоящего бандита с большой дороги. Дарвин мысленно представил себе этот снимок на стене, рядом с фотографией, на которой ему вручают мантию и свиток, символизирующие присвоение ему степени доктора физических наук.

В среду, в девять утра, Дар сидел за длинным столом в компании десятка незнакомых ему людей, которые пока не спешили представляться. Он был чисто выбрит и свеж и блистал ослепительно-белой рубашкой, красным галстуком в полосу, голубым льняным пиджаком, серыми легкими брюками и сверкающими черными туфлями от Болли, мягкими,

как балетки. Дарвин не был до конца уверен в своей роли на этом собрании – то ли гость, то ли заключенный, – но в любом случае желал выглядеть прилично.

Помощник заместителя окружного прокурора занимал присутствующих, предлагая всем кофе и печенье. Это был маленький нервный человек, который, казалось, воплощал в себе все приписываемые геем стереотипы поведения – от расслабленных запястий и возбужденного хихиканья до преувеличенно-театральных ужимок. На противоположной от Дара стороне стола сидели мужчины в шляпах медвежонка Дымняшки⁹ и фуражках, то есть примерно восемь шерифов и капитанов полиции. С краю пристроились двое в гражданском, причем у одного из них была типичная стрижка агента ФБР. Все, кроме фэбээровца, взяли предложенное помощником заместителя окружного прокурора печенье.

Рядом с Дарвином, не считая Лоуренса, Труды и их адвоката В.Д.Д. Дюбуа, сидела разношерстная свора бюрократов и адвокатов. Последние, как на подбор, оказались морщинистыми, сутулыми и какими-то измятыми, особенно по контрасту с подтянутыми молчаливыми копами, которые сурово выставляли вперед мужественные квадратные подбородки. Адвокаты и бюрократы согласились на кофе.

Дар принял свой пластиковый стаканчик, поблагодарил, получил в ответ от помощника заместителя окружного про-

---

⁹ Шляпа с завернутыми полями, которую носит медвежонок Дымняшка – символ Службы лесного хозяйства США.

курора «пожалуйста-пожалуйста» и ласковое похлопывание по плечу и сел на место – ждать, что будет дальше.

В комнату вошел негр в форме судебного пристава и объявил:

– Скоро начинаем. Говнюк уже вышел из своего кабинета а Сил – из дамского туалета.

* * *

Вчера Дарвин, все еще в наручниках, был препровожден в окружную тюрьму, которая находилась в деловой части Риверсайда. В машине самый старший по возрасту коп, согласно решению Верховного суда США по делу Миранды, зачитал ему с карточки размером примерно три на пять сантиметров его права. Дар имел право сохранять молчание, все, что он скажет, может быть использовано против него в суде, у него есть право на адвоката, и если у него нет своего адвоката, то таковой ему будет предоставлен. Понятно?

– А почему вы это читаете с бумажки? – полюбопытствовал Дар. – Вы же, наверное, повторяли это тысячи раз и должны уже знать на память.

– Заткнись, – посоветовал патрульный.

Дарвин кивнул и предпочел хранить молчание. «Обмирандили»... В данном случае имя собственное неплохо смотрится в качестве глагола.

Риверсайдская окружная тюрьма представляла собой

приземистое омерзительное строение и находилась как раз напротив высокого и не менее омерзительного здания риверсайдской мэрии. Юные полицейские сняли с Дарвина наручники и торжественно передали его в руки местного шерифа. Тот, в свою очередь, поручил своему молодому заместителю завести на него дело.

Дарвина никогда прежде не арестовывали. Но он хорошо представлял всю процедуру ареста – выворачивание карманов, снятие отпечатков пальцев и фотографирование – из фильмов и телевизионных репортажей. Потому ото всей этой возни у него возникло странное чувство дежавю, что только усилило ощущение нереальности происходящего.

В камере Дар сидел один, не считая общества нескольких жирных тараканов.

Примерно через пятнадцать минут вошел заместитель и сказал:

– Вам позволено сделать один звонок. Хотите позвонить своему адвокату?

– У меня нет адвоката, – честно сообщил Дар. – Можно я позвоню своему врачу?

Но заместитель шерифа не оценил его юмора. Дарвин позвонил Труди, которая собаку съела на судебных разбирательствах и, если бы захотела, в любой момент могла сдать экзамен на адвоката. Но вместо того чтобы утрясать все проблемы с законом самолично, они с Лоуренсом нанимали одного из лучших адвокатов Калифорнии. Это было про-

сто необходимо, учитывая, что агентство Стюартов постоянно вело расследование по поводу мошенничества в области страхования, а кто, как не мошенники, разбираются во всех юридических тонкостях лучше самих юристов и чувствуют себя на судебных заседаниях как рыба в воде.

– Труди, я... – начал Дарвин.

– Знаю, – оборвала его Труди. – Сама я не видела, но Линда записала передачу на кассету. Комментаторы вопили об «азарте водителя».

– Какой еще азарт! – возмутился Дар. – Эти ублюдки хотели прикончить меня, и я...

– Ты в Риверсайде? – снова перебила его Труди.

– Да.

– Я послала туда одного из помощников В.Д.Д. Ты дашь показания в его присутствии, и через часик он тебя оттуда выудит.

Дарвин растерянно моргнул.

– Труди, заклад вылетит в миллиард долларов! Два трупа. Да еще все это снимал пятый канал. Округ не выпустит меня отсюда...

– Тут замешано кое-что покруче округа, – отрезала Труди. – Буду на связи. Я знаю, кто были эти двое и почему полиция и окружная мэрия не сообщили прессе твое имя. И почему В.Д.Д. будет...

– Кто они? – снова закричал Дар, не в силах удержать себя в руках. – Об этом говорили по телевизору?

– Нет, ни слова. Завтра утром мы будем в Сан-Диего, в конторе заместителя окружного прокурора. Там все и выясним. В девять утра. Тебя выпустят из тюрьмы – один из судей округа Сан-Диего уже согласился стать твоим поручителем и послал прошение на имя судьи Риверсайдского округа. Не волнуйся, пресса не будет тебя преследовать... Твое имя хранится в тайне до завтрашнего утра.

– Но... – начал было Дар и тут сообразил, что понятия не имеет, о чем еще можно спросить.

– Жди помощника В.Д.Д., – сказала Труды. – Возвращайся домой и прими горячий душ. Только что звонил Лоуренс, и я все ему рассказала. Вечером мы тебе позвоним, а потом ты хорошенько выспишься. Кстати, это всем нам не помешает.

В.Д.Д. Дюбуа (произносится «Дюбойс») был невысоким негром с усами как у Мартина Лютера Кинга. Он отличался великолепными мозгами и характером Дэнни Де Вито. Лоуренс как-то обмолвился, что в зале суда В.Д.Д. настолько гениально выражает свои чувства движениями усов, что мог бы затмить любого актера немого кино.

На самом деле прославленного адвоката звали не Дюбуа. Вернее, это имя он носил не с рождения. При крещении в городе Гринвилле, штат Алабама, он получил длинное имя Виллард Даррен Дирк. В.Д.Д. родился в середине сороковых годов, и с самого начала все было против него – его раса, бедная семья, родной штат, отношение белых жителей штата, необразованность родителей, плохие школы – все, кроме его

IQ, который был намного выше среднего уровня. В девять лет юный Вилли Дирк придумал себе новое имя – В.Д.Д. Дюбуа (произносится «Дюбойс»)¹⁰ и к двадцати годам официально оформил перемену имени. К тому времени он вырвался из Алабамы, поступил в Южно-Калифорнийский университет, а потом выучился на адвоката в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе. Он был третьим по счету негром – выпускником этого знаменитого учебного заведения и первым, кто основал в Лос-Анджелесе адвокатскую контору, в которой работали исключительно чернокожие адвокаты, помощники и прочие служащие.

Как раз в то время вышел закон 1964 года о гражданских правах, и Линдон Джонсон¹¹ сделал в законодательстве первые шаги к «Великому обществу», провозгласив равноправие всех граждан США. Это помогло В.Д.Д. упрочить положение своей конторы, но никаких особенных преимуществ не дало. Его фирма в основном занималась гражданскими делами, но сам В.Д.Д. питал слабость к уголовному праву и время от времени выступал в суде по уголовным делам. Чем запутанней и сложнее был случай, тем больше вероятности, что им займется сам Дюбуа. В адвокатских кругах был широко известен случай, когда адвокат Роберт Шапиро пытал-

---

¹⁰ Уильям Эдуард Дюбуа (1868–1963) был негритянским общественным деятелем, писателем и педагогом.

¹¹ Линдон Бейнс Джонсон, 36-й президент США.

ся привлечь Дюбуа к делу О. Джея Симпсона¹² (еще до вмешательства Джонни Кокрана), на что В.Д.Д. заявил: «Ты шутишь? Этот парень так же невиновен, как братец Авеля, Каин. Я защищаю только невинных убийц!»

Агентство Стюартов сумело угодить Дюбуа, поручив ему несколько интересных и исключительно запутанных случаев, так что в последние годы знаменитый адвокат выказывал свою признательность тем, что защищал фирму Труды перед лицом закона в особо затруднительных ситуациях. Вот как сейчас, к примеру.

В комнату вошел заместитель окружного прокурора и занял свое место во главе стола. Говард Аллан Ньюк пытался снискать известность на политическом поприще и очень страдал из-за своей фамилии, которую обычно произносили как Ньюк. Его отец был известным судьей, потому Говард не мог за здорово живешь изменить свою фамилию. Он всегда просил всех знакомых не называть его Гов и настаивал на этом даже упорней, чем Лоуренс отбивался от Ларри. Вследствие чего вся контора окружного прокурора, Дворец правосудия Сан-Диего и все юристы Южной Калифорнии – по крайней мере, за глаза – называли его не иначе как Гов, а чаще всего – Говнюк.

А вот Сид – это был настоящий сюрприз. Сид оказалась

---

¹² Симпсон Орентал-Джеймс, чернокожий американский футболист, убивший свою жену и ее белого любовника. Из судебного процесса он сделал настоящее шоу, транслировавшееся на всю страну. И хотя никто не сомневался в его виновности, Симпсона отпустили за недостатком улик.

привлекательной женщиной лет тридцати пяти, полноватой, но ей это шло. Одета она была с иголочки, а лицо светилось умом и неиссякающим интересом к жизни. Она напомнила Дарвину одну характерную актрису, которая ему очень нравилась, вот только имени ее он никак не мог запомнить. Полное имя Сид было, видимо, Сидни. И поскольку Сид заняла второе «место шефа» – стул в противоположном конце стола от Говнюка, – то, скорее всего, она считалась здесь влиятельным лицом.

Заместитель окружного прокурора Ньюк призвал присутствующих к порядку.

– Вы все знаете, почему мы здесь сегодня собрались. Те, кто был на дежурстве или пропустил программу новостей, могут ознакомиться с заявлением мистера Дарвина Минора. Вот оно, перед вами... А еще у нас есть видеозапись.

«Черт!» – подумал Дар, когда помощник заместителя перенес видеомаягнитофон и старенький телевизор, стоявшие в углу, на стол и поставил перед своим начальником. Помощник вставил кассету в маягнитофон, и Гов Ньюк включил запись.

Дарвин не видел вчерашних «Новостей». Теперь ему представилась возможность просмотреть прямой репортаж пятого канала с места событий. Они успели заснять большую часть погони: от съезда с маягистральной, путь по извилистой дороге над озером Эльсинор и до самого конца, когда «Мерседес Е-340» протаранил веранду ресторана «Кругозор» и

взмыл высоко в воздух, словно собирался приземлиться прямо на кабину вертолета с телевизионщиками.

Заместитель окружного прокурора Ньюк милосердно отключил звук, и комментарии репортеров не были слышны. А вот сами репортеры с немилосердной скрупулезностью отсняли последний прыжок «Мерседеса». Двое мужчин высунулись из боковых окон по плечи, будто хотели в последний миг выпрыгнуть наружу, их рты беззвучно раскрывались. Дар отчетливо видел движение их губ, но слов разобрать так и не смог.

Когда «Мерседес» выпал из поля зрения телевизионщика, пилот вертолета тотчас же повел машину по спирали, чтобы гиросtabilизированная камера могла заснять полет «Е-340». Затем «Мерседес» ударился о скалистый выступ, примерно в пятистах футах ниже ресторанной веранды, перевернулся вверх колесами и наконец рухнул на деревья, которые росли на берегу озера. Корпус машины, на удивление, остался целым, но все остальное брызнуло в разные стороны – колеса, бамперы, зеркала, оси, глушитель, ветровое стекло, подвески, колпаки и люди. Затем все это исчезло в клубах пыли, взметнувшихся выше крон основательно потрепанных деревьев.

Заместитель окружного прокурора Ньюк перемотал сцену катастрофы на начало. Куски автомобиля склеились обратно, и машина взмыла в воздух. Ньюк остановил перемотку на кадре, где двое мужчин высунулись из окон «Мерседеса»

и один из них что-то кричал – по-видимому, умолял о помощи. Дарвин заметил, что головы всех присутствующих в комнате дружно повернулись в его сторону.

Даже Лоуренс и Труды посмотрели на него. Вынести тяжесть этих взглядов оказалось нелегко. Дар хотел спросить, не спасли ли их подушки безопасности, но передумал и промолчал. К тому же три подушки из четырех уже сработали и успели сдуться к тому времени, как машина взлетела над обрывом. На пленке салон «Мерседеса» являл собой жалкое зрелище, словно изнутри его выстилали огромные презервативы.

«Я стал причиной смерти двоих человек», – подумал Дар. На душу снова легла тяжесть, а к горлу подкатил неприятный, тошнотворный ком. Но раскаяния Дарвин не испытывал. Слишком хорошо он помнил свист пуль над головой и звон разлетающихся боковых окон «Акуры». Злость улеглась, отошла в далекое прошлое, но Дар прекрасно помнил это чувство и понимал, что, если бы эти сволочи остались в живых, он спустился бы с горы и первой подвернувшейся палкой прикончил их на месте.

Дарвин молчал, сохраняя спокойное выражение лица, и постепенно сидящие за столом отвели взгляды.

– И напоследок, – сказал Ньюк, прерывая напряженное молчание, – я хочу заметить, что из местной школы для глухонемых приехали эксперты, которые умеют читать по губам. Они проанализировали эти кадры...

Ньюк махнул рукой на экран, где усатый стрелок застыл с разинутым ртом, выкрикивая свои предсмертные слова, и закончил:

– ...и пришли к выводу, что по артикуляции это ближе всего к... э-э... «soon key».

Все удивленно захлопали глазами, и только Сидни громко расхохоталась.

– Суки, – произнесла она с непривычным акцентом и снова хихикнула. – Это bitch по-русски. Мне кажется, что этим словом он выражал свое мнение о пятом канале.

– Ясно, – сказал заместитель окружного прокурора и выключил телевизор.

– Это подтверждает предположение бюро о личностях этих людей, – подал голос мужчина с фэбээровской стрижкой. – «Мерседес» был угнан из Лас-Вегаса два дня назад. Погибшие, которые находились в угнанной машине, по национальности были русскими. Водитель, Василий Плавинский, находился в стране в течение трех месяцев по гостевой визе. Второй...

– Который пытался застрелить моего клиента из автоматического оружия, – умело вклинился адвокат Дюбуа. Фэбээровец нахмурился, но продолжил:

– ...второй, тоже русский, прибыл в Нью-Йорк всего пять дней назад. Его имя – Климент Редько.

– Это может быть прозвищем или псевдонимом, – заметил Дар.

– Почему вы так считаете? – вскинулся агент ФБР. – По вашим показаниям, вы никогда не встречались с этими людьми прежде. А теперь высказываете предположения о личности одного из этих... гм, жертв.

– Возможных убийц, – немедленно поправил Дюбуа. – Намных убийц.

– Я предположил, что это может быть ненастоящим именем, – ответил Дар, – потому что был такой малоизвестный русский художник, Климент Редько. В 1924 году он написал картину «Восстание», предсказав сталинский террор. Он изобразил Ленина, Сталина, Троцкого и других большевистских вождей на кроваво-красном фоне, окруженных солдатами, которые стреляли в беззащитных людей.

С полминуты все сконфуженно молчали, словно Дар не блеснул эрудицией и занудством, а вскочил на стол и сплясал джигу. Он мысленно дал себе зарок впредь держать язык за зубами, если только не придется отвечать на прямо поставленные вопросы. И тут Дарвин увидел, что Сидни, кем бы она ни была, одобрительно подмигнула ему.

– Теперь позвольте мне представить всех присутствующих, – вскочил со своего места заместитель окружного прокурора, пытаясь снова направить разговор в нужное русло. – Многие из вас наверняка знакомы со специальным агентом Джеймсом Уорреном, представителем местного отдела ФБР. Капитан Билл Рейнхард из дорожно-постовой службы Лос-Анджелеса, их посредник в операции «Большая чистка». Ка-

питан Фрэнк Фернандес, из нашего полицейского отделения. Рядом с капитаном Фернандесом... спасибо, что пришли к нам, Том, я знаю, что вы сегодня улетаете на конференцию в Вегас... капитан Том Саттон из Калифорнийской патрульной службы. За Томом – Пол Филдс, шериф округа Риверсайд, именно он так потрясающе держался во время этой операции. Все мы знаем База Мак-Кола, шерифа округа Сан-Диего. И в конце стола... привет, Марлена... Марлена Шульц, шериф округа Ориндж.

Заместитель окружного прокурора Ньюк перевел дыхание и повернулся к левому ряду.

– Некоторые из вас, несомненно, встречались с Робертом... Бобом, да? С Бобом Гауссом из отдела расследований мошенничеств со страховками. Здравствуйте, Боб. Следующий за Бобом – адвокат Жанетт Паульсен из Национального бюро расследования страховых преступлений, из Вашингтона. Слева от мисс Паульсен – Билл Уитни из Калифорнийского отдела страхования. За Биллом... э-э...

Ньюк запнулся и полез в блокнот. Его плавная речь впервые дала сбой.

– Лестер Гринспан, – сухо промолвил взъерошенный мужчина, по виду – закоренелый бюрократ. – Ведущий адвокат группы «Коалиция против страхового мошенничества». Я тоже был откомандирован из Вашингтона для официального посредничанья с вашей операцией «Большая чистка».

Дар поморщился. «Посредничанье! Ну и грамотей...»

– Следующий за мистером Гринспаном – тот, кого мы знаем и любим, – продолжил заместитель окружного прокурора, решив, вероятно, слегка разнообразить скучную процедуру представления. – Наш прославленный и знаменитый адвокат В.Д.Д. Дюбуа.

– Спасибо, Говнюк, – широко улыбнулся Дюбуа. Ньюк заморгал, сделав вид, что не расслышал последнего слова, и улыбнулся в ответ.

– Э-э... следующий за В.Д.Д. ... кто же из нас не знает этих двоих... Труд и Ларри Стюарт из расследовательского агентства Стюартов, Эскондидо.

– Лоуренс, – поправил Лоуренс.

– А за Ларри, – продолжал заместитель окружного прокурора, – сидит человек, по поводу которого мы все здесь собрались, – мистер Дарвин Минор, один из лучших в стране экспертов по дорожно-транспортным происшествиям. Он был за рулем черной «Акуры», которую мы видели на видеокассете. В конце стола...

– Минуточку, Гов, – прервал его Филдс, шериф округа Риверсайд.

Это был пожилой мужчина с недобрый прищуром глаз опытного стрелка. Он посмотрел на Дарвина, как удав на кролика, видимо пытаясь загипнотизировать его на расстоянии.

– Я никогда еще не видел такого хладнокровного убийства, как это.

– Спасибо, – ответил Дар, возвращая шерифу его пронзительный взгляд. – Только хладнокровно пытались убить меня они. А моя кровь была очень, очень горячей, когда я столкнул их с дороги...

– Одну минуту! – воскликнул заместитель окружного прокурора. – Дайте мне закончить. Я с большим удовольствием хочу представить вам мисс Сидни Олсон, главного следователя окружной прокуратуры и нынешнюю главу комиссии по вопросам организованной преступности, созданной для проведения операции «Большая чистка в Южной Калифорнии». Сид... вам слово.

– Спасибо, Ричард, – улыбнулась главный следователь.

«Стокард Ченнинг», – вспомнил Дар.

– Как вы уже знаете, – начала она, – последние три месяца в нашем штате проводится важное расследование – операция «Большая чистка». Основная задача состоит в том, чтобы положить конец ширящимся случаям страхового мошенничества. Мы оцениваем общий убыток казне штата за этот год приблизительно в семь-восемь миллиардов долларов...

Некоторые из шерифов уважительно присвистнули.

– ...и увеличение количества случаев страхового мошенничества по меньшей мере на двадцать пять процентов.

– Скорее на сорок, – заметил Лестер Гринспан из «Коалиции против страхового мошенничества».

– Согласна, – кивнула Сидни Олсон. – Полагаю, что эти данные не соответствуют реальным цифрам. Ситуация резко

ухудшилась, особенно за последние полгода.

Спецагент Джеймс Уоррен откашлялся и сказал:

– Нужно отметить, что операция «Большая чистка в Южной Калифорнии» разработана на основе операции «Большая чистка» 1995 года, за время которой бюро арестовало более тысячи подозреваемых.

«Из которых вину признали четверо, от силы пятеро», – подумал Дарвин.

– Спасибо, Джим, – кивнула главный следователь Олсон. – Так и есть. Наша операция базируется и на опыте наших флоридских коллег, акции «Авария на заказ». Было арестовано сто семьдесят два подозреваемых, многие из которых, как выяснило следствие, состояли в группировках по организации автокатастроф с целью получения высоких страховых премий.

– Столкновения без жертв? – спросила Труди Стюарт. – Или что похуже?

– Большинство подозреваемых неоднократно подавали заявления о столкновениях, – ответила Сидни. – Но главными обвиняемыми стали адвокат из Майами и его сын, которые за деньги уговаривали небогатых автовладельцев врезаться друг в друга на флоридских магистралях. А потом через свою адвокатскую контору или сотрудничающих с ними частных адвокатов возбуждали иски против страховых компаний. Семейка успела подстроить таким образом более ста пятидесяти аварий.

– Ничто не ново в Южной Калифорнии, – проворчал Филдс, шериф Риверсайдского округа, оглядывая присутствующих через прицел своих прищуренных глаз. – Где-то восемь из десяти аварий на шоссе 1–5 подстроены. Старо как мир.

Главный следователь Сидни Олсон согласно кивнула.

– Если не считать того факта, что за последние месяцы кто-то пытается установить контроль над мошенничеством в страховом бизнесе.

– Банды? – подозрительно прищурился шериф Филдс. Ему ответил заместитель окружного прокурора Ньюк:

– Во Флориде страховым мошенничеством занимались бывшие колумбийские наркодилеры. А в Восточном Лос-Анджелесе и еще кое-где этим делом заведовали мексиканские и мексико-американские банды.

– Крупные шишки, – хмыкнул шериф Филдс.

– Большая часть инсценированных аварий, – покачал головой капитан Саттон, – организованы вовсе не латиноамериканскими группировками. Они пытались заняться этим здесь, но быстро получили пинка под зад, причем немало главарей банд от этого пинка очутились в море.

Шериф Шульц из округа Ориндж прокашлялась и тоже подала голос:

– То же самое произошло и с вьетнамцами, когда они попытались взять контроль над всей организованной преступностью. Их быстро привели к общему знаменателю.

– И кто бы ни занял лидирующую позицию в криминаль-

ных кругах, – продолжил спецгент Уоррен, – он привлек на свою сторону русских и чеченских боевиков. Их группировки действуют по всему Западному побережью, особенно в этом районе.

Все головы повернулись к Дарвину. Лоуренс кашлянул, что всегда предшествовало у него относительно долгому словоизлиянию.

– Наша компания наняла Дара... мистера Минора... доктора Минора... в качестве эксперта. Он расследовал несколько аварий и с полной уверенностью установил, что они были подстроены. Доктор Минор, как и я, выступал свидетелем-экспертом в десятках подобных случаев.

Труди Стюарт покачала головой и добавила:

– Но мы не заметили никаких свидетельств, что эти случаи были подстроены какой-то определенной группировкой. Обычные неудачники и мошенники во втором, третьем или четвертом поколении. Они жили с этих страховых выплат.

Заместитель окружного прокурора посмотрел на Дарвина.

– Без сомнения, эти двое русских боевиков в сером «Мерседесе» были озадачены убить именно вас, мистер Минор.

Дарвин чуть скривился, услышав употребление существительного «задача» в качестве глагола. А вслух произнес:

– Зачем же им понадобилось меня убивать?

Сидни Олсон развернулась на своем стуле и посмотрела Дарву прямо в глаза.

– Мы полагали, что на этот вопрос услышим ответ от вас. Несколько месяцев расследования не продвинули следствие вперед так, как события вчерашнего дня!

Дарвин только покачал головой.

– Я даже не представляю, как они ухитрились найти меня. Это был такой безумный день...

И он вкратце рассказал о звонке в четыре часа утра, о твердотопливных ускорителях, встрече с Ларри и разговоре с Генри в доме престарелых.

– Другими словами, я ничего не планировал заранее. Никто не мог знать, что в это время я буду находиться на шоссе 1–5.

– Среди обломков автомобиля, – подал голос капитан Саттон, – мы обнаружили частотный сканер сотовых телефонов. Они могли отслеживать ваши звонки.

Дар снова покачал головой.

– После встречи с Ларри я никуда не звонил. Мне тоже не звонили.

– После того как Лоуренс заснял встречу угонщиков, – сказала Труди, – он звонил мне и сказал, что отправил тебя в дом престарелых.

– Ты думаешь, что эти дурацкие стартовые ускорители или старик семидесяти восьми лет, выпавший из своей инвалидной коляски, – цепи одного обширного заговора против страховых компаний? – спросил Дар. – И что кто-то специально вызвал из России боевиков лишь затем, чтобы при-

хлопнуть меня?

И снова заговорил капитан Саттон. Для такого высокого мужчины – под два метра ростом – у него был удивительно тихий и мягкий голос.

– С ускорителями все ясно. На месте взрыва нашли человеческие останки, а именно зубы. Они принадлежали девятнадцатилетнему Парвису Нельсону, который проживал в Боррего-Спрингс со своим дядей Лероем. Лерой покупал на базе списанный металлолом оптом. Случайно кто-то продал ему два исправных ускорителя. И Парвис решил их испытать. Оставил дяде записку...

– Самоубийца? – поинтересовался кто-то.

– Нет, – покачал головой капитан дорожного патруля. – Просто записка, там даже было указано время – 11 часов вечера. Парвис написал, что хочет побить мировой рекорд скорости и что вернется домой к завтраку.

– Самоубийца и есть, – пробурчал Мак-Кол, шериф округа Сан-Диего, и посмотрел на Лоуренса. – Судя по показаниям, вы встретились с мистером Минором перед тем, как отправились снимать встречу шайки угонщиков автомобилей. Эта шайка выбрала «Авис» в качестве жертвы. Могло ли это стать причиной нападения на мистера Минора?

– Простите, шериф, – засмеялся Лоуренс, – но угоном автомобилей «Ависа» занималась одна семейка, деревенщина на деревенщине. Ну, вроде тех старых добрых южных семей, у которых на генеалогическом древе нет ни единой веточки.

Ни полиция, ни шерифы, ни фэбээровец даже не улыбнулись.

Лоуренс кашлянул и продолжил:

– Нет, эта шайка никаким образом не связана с русской мафией. Пожалуй, они даже не подозревают, что в России может быть мафия. Это местная работа. Братец Билли Джо работал в «Ависе» и, заполняя обычные документы, аккуратно узнавал, где остановился в данный момент очередной клиент. Затем братец Молчун брал запасные ключи, которые хранились в фирме, и той же ночью угонял автомобиль. Они предпочитали воровать спортивные машины. В пустыне они встречались с кузеном Флойдом, у которого были заправка и гараж, и благоразумно перекрашивали машину. Как только она высыхала, ее перегоняли в Орегон и продавали. Номера машины они меняли, а номера деталей и не думали перебивать. Идиоты! Я послал фотографии и отчет в «Авис» еще вчера, а оттуда уже сообщили и нашей полиции, и орегонской.

Главный следователь Олсон слегка повысила голос, чтобы вернуть разговор к прежней теме:

– Получается, что вчерашние инциденты, которые вы расследовали, не имели никакого отношения к покушению на вашу жизнь, мистер Минор.

– Зовите меня просто Дар, – пробормотал Дарвин.

– Дар, – повторила Сидни Олсон, снова посмотрев ему прямо в глаза.

Дар вновь поразился, как она ухитрилась сочетать профессиональную серьезность с легким оттенком юмора и жизнерадостности. Может, дело в искорках в ее глазах или движениях ее губ? Дар замотал головой, чтобы прийти в себя. Этой ночью ему так и не удалось выспаться.

– Вы совершили что-то такое, – продолжала Сидни, – из-за чего на вас ополчился «Альянс».

– Альянс? – не понял Дар.

– Так мы называем эту группировку мошенников, – кивнула главный следователь Олсон. – Она весьма многочисленна и хорошо скоординирована.

Шериф Филдс откинулся на спинку стула и скривил рот так, словно собрался сплюнуть прямо на стол.

– Многочисленная группировка! Операция «Большая чистка»! Девочка, у вас там обычная шайка придурков, которые сперва таранят чужие машины, а потом загребают лопатой страховку. Старо как мир. А все эти суперзадачи – одна трата денег налогоплательщиков.

Щеки главного следователя Олсон слегка порозовели. Она метнула в Филдса убийственный взгляд, которому позавидовала бы и Медуза-горгона.

– «Альянс» существует на самом деле, шериф. Эти двое русских в «Мерседесе», которые, по данным Интерпола, успели убить с десятков незадачливых банкиров и бизнесменов в Москве, тоже не выдумка. Дыры от «Мак-10» в машине мистера Минора – самые настоящие. Около десяти мил-

лиардов долларов, которые выманили мошенники у страховых компаний Калифорнии... Все это существует на самом деле, шериф!

Негодующий взгляд Филдса разбился о невозмутимое лицо Сидни Олсон. Его кадык дернулся, словно шериф передумал-таки плевать на стол и счел за благо проглотить накопившуюся слюну.

– М-да, возражений нет. Но давайте поскорее, у всех полно своих дел. Где эта... «Большая чистка»... начнется?

Заместитель окружного прокурора Ньюк улыбнулся доброй, утешительной и совершенно фальшивой улыбкой. Так улыбались и будут улыбаться политики всех времен и народов.

– Из-за этого инцидента штаб-квартира нашей комиссии спешно переносится в Сан-Диего, – радостно сообщил он. – Пресса заходится криком, желая узнать имя водителя черной «Акуры». Пока мы держали это в тайне, но завтра...

– Завтра, – оборвала его Сидни Олсон, снова взглянув на Дарвина, – мы собираемся предоставить им официальную версию. Кое-что мы оставим за кадром – например, что те двое погибших были боевиками русской мафии. Мы сообщим, что это было покушение на частного детектива. Настоящее имя и профессию Дара по очевидным причинам мы огласке предавать не будем. И добавим, что на жизнь детектива было совершено покушение из-за того, что он приблизился к раскрытию какого-то преступления. После этого

официального заявления я некоторое время проведу в компании мистера Минора и агентства Стюартов.

На этот раз Дарвин с подозрением уставился на Сидни Олсон. Она уже не казалась ему такой же занятой, как Стокард Ченнинг.

– Вы подставляете меня, как козу из этого фильма про динозавров... «Парк Юрского периода»?

– Именно, – ответила Сидни и широко улыбнулась.

Лоуренс вскинул брови.

– Больше всего на свете мне не хотелось бы найти у себя на крыше окровавленную ногу Дара, – сказал он.

– Мы понимаем, – откликнулась Сидни Олсон. – Заверяю вас, что ничего подобного не случится.

Она встала.

– Как заметил шериф Филдс, каждого ждут свои дела. Леди и джентльмены, мы будем держать вас в курсе событий. Спасибо, что присутствовали на сегодняшней встрече.

Собрание закончилось. Гов Ньюк казался обескураженным, что ему не удалось объявить об этом лично.

– Вы собираетесь сейчас домой, на Мишен-Хиллз? – спросила у Дара Сидни Олсон.

Дарвин не удивился, услышав, что ей известно, где он живет. Напротив, он был уверен, что главный следователь успела прочитать все его досье, от корки до корки.

– Ага, хочу переодеться и посмотреть мыльные оперы. Ларри и Труди дали мне выходной, а других вызовов пока

не поступало.

– Могу я поехать вместе с вами? – спросила главный следователь Олсон. – Пустите меня в свою берлогу?

Дар перебрал в уме тысячу разнообразных ответов с сексуальным подтекстом и отверг все до единого.

– Вы будете меня охранять, да?

– Совершенно верно, – кивнула Сидни.

Она поправила пиджак, отчего на бедре отчетливо прорисовался контур девятимиллиметрового полуавтоматического пистолета.

– По пути можно заскочить куда-нибудь и пообедать. Не волнуйтесь, мы еще успеем на «Все мои детишки».

Дар только вздохнул.

Глава 5. Д – децибелы

– Мы знакомы всего пару часов, – заметила Сидни, – а вы уже обманываете меня.

Дарвин оторвался от кофемолки и посмотрел на гостью. Они заехали перекусить жареным мясом в ресторанчик «Канзас-Сити» – Сидни сказала, что приглядела его еще пару дней назад, но все никак не могла туда добраться, – а потом отправились на Мишен-Хиллз. Дар припарковал свой «Лендкрузер» в гараже на первом этаже – огромном темном помещении с лабиринтом низких столбиков, которые обозначали места для парковки. Затем они поднялись в большом грузовом лифте – единственном на весь дом – в его квартиру на шестом этаже.

Дарвин смотрел, как Сидни бродит по гостиной, оглядывая книжные полки.

– Итак, что мы имеем? Около семи тысяч книг, – продолжала Сидни, – не менее пяти компьютеров, отличный музыкальный центр с восемью колонками, одиннадцать шахматных досок, но ни одного телевизора. И как же вы смотрите свои мыльные оперы?

Дар улыбнулся, засыпая в кофеварку только что смолотый кофе.

– Обычно эти оперы сами находят меня. Они называются «взятие показаний у свидетелей и потерпевших».

Главный следователь Сидни Олсон понимающе кивнула.

– Но у вас вообще есть хоть один телевизор? Может, в спальне? Пожалуйста, Дар, скажите, что он у вас есть! В противном случае мне останется предположить, что вы первый интеллеktуал, которого я встречаю не за решеткой.

Дарвин залил воду в кофеварку и включил ее.

– Есть. В одном из отделений шкафа, у самой двери.

– Ага, – промолвила Сидни, выгибая бровь дугой. – Дайте-ка я догадаюсь сама. Баскетбол?

– Нет, бейсбол. По вечерам, когда бываю дома, иногда смотрю прямые трансляции с серии решающих встреч.

Он положил две подставки под чашки на маленький круглый кухонный столик. Сквозь огромные восьмифутовые окна лился яркий солнечный свет.

– Имсовский стул¹³, – заметила Сид, погладив изогнутую деревянную спинку и черную кожаную обивку стула в углу гостиной, где под прямым углом сходились два книжных шкафа. Гостья села на стул и поставила ноги на оттоманку, сделанную в том же стиле. – Довольно удобно. По-видимому, они настоящие... в смысле, это оригинал.

– Верно, – согласился Дар.

Он выставил на столик две большие белоснежные кофейные кружки и налил в них дымящийся ароматный напиток.

– Сахар? Сливки?

---

¹³ Чарльз Имс – знаменитый дизайнер мебели. Джеймс Браун – певец, автор песен и музыкант.

– Предпочитаю кофе в стиле Джеймса Брауна, – покачала головой Сид. – Черный, крепкий и густой.

– Надеюсь, этот придется вам по вкусу, – сказал Дарвин.

Сид неохотно встала с имсовского стула, потянулась и присела за кухонный столик.

Попробовав глоток кофе, она одобрительно приподняла брови.

– Да, это то, что нужно. Мистер Браун был бы в восторге.

– Могу сделать послабее, не такой крепкий.

– Нет, мне нравится этот.

Она оглядела гостиную и те комнаты, которые были видны с кухни.

– Можно я на минутку притворюсь сыщиком?

Дарвин кивнул.

– Настоящий персидский ковер на всю гостиную. Настоящий имсовский стул. Обеденный стол и стулья с виду – настоящий Стикли¹⁴, как и испанские светильники. В каждой комнате – предметы ручной работы. Неужели вон та большая картина напротив окна кисти Рассела Чэтема¹⁵? Особенно известны его литографии.

– Именно, – подтвердил Дарвин.

– И это масло, а не литография... Такие работы Рассела Чэтема стоят сейчас немало.

---

¹⁴ Густав Стикли – знаменитый дизайнер мебели, живший в конце XIX – начале XX века.

¹⁵ Рассел Чэтем (1939–2019) – знаменитый художник и писатель.

– Я приобрел эту картину в Монтане несколько лет назад, – ответил Дарвин, допивая кофе. – Еще до шумихи, которая вокруг него поднялась.

– И все-таки, – покачала головой Сид, заканчивая инспекцию. – Сыщик сделал бы вывод, что у обитателя этой квартиры водятся хорошие деньги. Вчера разбил «Акуру», а сегодня приехал на «Лендкрузере»...

– Разные дела требуют разных машин, – уклончиво ответил Дарвин, начиная слегка раздражаться. Видимо, Сидни почувствовала это, потому что принялась за свой кофе. Затем улыбнулась.

– Хорошо, по-видимому, вам настолько же интересно делать деньги, как и мне.

– Тот, кто пренебрегает деньгами, либо дурак, либо святой, – сказал Дарвин. – Но мне это занятие представляется невероятно скучным, да и разговаривать об этом неинтересно.

– Ладно. А вот одиннадцать шахматных досок поставили меня в тупик, – призналась Сид. – На каждой – своя партия. В шахматах я полный профан, с трудом отличаю коня от ладьи. Но у меня создалось впечатление, что эти партии не из легких. Неужели к вам часто заходит в гости компания друзей-гроссмейстеров, что приходится держать несколько досок сразу?

– Имейл, – кратко ответил Дарвин. Сид кивнула и огляделась.

– Хорошо, перейдем к книгам. Вот эта стена – вся в книжных полках. По каким критериям вы их расставляли? Не по алфавиту, это уж точно. И не по дате выпуска. Старые тома стоят вперемежку с новыми книгами в мягких обложках.

Дарвин усмехнулся. Заядлые читатели всегда первым делом бросаются к книжным шкафам других читателей и пытаются найти в расстановке книг свою систему.

– Наугад, – сказал он. – Покупаю книгу, читаю и сую на первое попавшееся место.

– Возможно, – согласилась Сид. – Но вы не похожи на небрежного человека.

Дарвин промолчал, размышляя о теории хаоса, которая вылилась в его докторскую диссертацию. Сидни внимательно изучала книжные полки.

Наконец она забормотала себе под нос:

– Стивен Кинг – правая верхняя полка. «Обыкновенное убийство» Трумена Капоте – на две полки ниже, тоже справа. «Убить пересмешника» на второй полке снизу. «Запад Эдема» слева от окна. Хемингуэевская ерунда...

– Эй, полегче! – возмутился Дар. – Мне нравится Хемингуэй!

– Хемингуэевская ерунда на нижней правой полке, – закончила Сид. – Я поняла!

– Да ну? – засомневался Дарвин, мысленно ощетинившись.

– Эти полки повторяют карту Соединенных Штатов, –

сказала Сидни. – Вы расставляете книги в географическом порядке. Кинг подмораживает свою задницу под потолком, в Мэне. Хемингуэй устроился в тепле, в Ки-Уэсте...

– Вообще-то на Кубе, – поправил Дар. – Впечатляюще. А как вы расставляете свои книги?

– В соответствии с отношениями авторов друг к другу, – призналась она. – Ну, например, Трумен Капоте рядом с Харпер Ли...

– Друзья детства, – согласился Дарвин. – Маленький, неуверенный в себе Трумен стал прототипом Дилла из «Убить пересмешника».

Сидни Олсон кивнула.

– С уже умершими писателями никаких проблем, – сказала она. – Ну, Фолкнера и Хемингуэя можно держать порознь, но вот с остальными постоянная морока. Я имею в виду, что Ами Тан сперва дружит с Табитой Кинг, но, когда я покупаю следующую книгу, они уже не разговаривают друг с другом. Я трачу больше времени на перестановку книг, чем на чтение, а потом дни напролет гадаю, остаются ли Джон Гришем и Майкл Крайтон друзьями-приятелями или уже поссорились...

– Занимаетесь черт знает чем, – дружелюбно попрекнул ее Дар.

– Ага, – согласилась Сидни и взялась за свою чашку с кофе.

Дарвин вздохнул. Он находился в прекрасном расположе-

нии духа и был вынужден постоянно напоминать себе, что Сидни Олсон интересуется им потому, что это ее работа, а не потому, что без ума от его обаяния.

– Моя очередь, – заявил он.

Сидни Олсон кивнула и отхлебнула кофе.

– Вам примерно тридцать шесть – тридцать семь лет, – начал он, понимая, что ступил на запретную территорию. Но не остановился, а поспешно продолжил наступление. – Высшее юридическое образование. Произношение почти лишено влияния восточных диалектов. Но в гласных слышится легкий акцент срединного Запада. Северо-Западный университет?

– Чикагский, – уточнила она и добавила: – И должна заметить, что мне только тридцать шесть. Исполнилось в прошлом месяце.

– Даже прокуроры округов обычно считают, что должность главного следователя занимают самые толковые стражи порядка в их краях, – тихо, словно разговаривая с самим собой, продолжил Дарвин. – Кого туда обычно назначают? Бывших помощников шерифа, бывших военных, бывших агентов ФБР...

Он запнулся и покосился на Сид.

– И сколько вы проработали в бюро? Лет семь?

– Почти девять, – ответила она. Затем встала, подошла к кофеварке и разлила по чашкам густой ароматный напиток.

– Хорошо. Причина увольнения...

Дарвин осекся. Причины могли оказаться глубоко личными.

– Ничего, продолжайте. Все в порядке.

Дар отхлебнул кофе и осторожно предположил:

– Извечный вопрос дискриминации женщин? Но мне казалось, что в бюро с этим получше.

– Они стараются, – кивнула Сид. – Еще лет через десять я бы достигла потолка. Выше меня был бы только один человек – какой-нибудь политикан и крючкотворец, которого очередной президент назначил бы шефом ФБР.

– Так почему вы ушли... – начал Дар и умолк. Он вспомнил о девятимиллиметровом пистолете на ее бедре. – А-а, вы предпочитаете лично проводить закон в жизнь, а не заниматься...

– Расследованиями, – закончила Сид. – Именно. А бюро, как ни крути, на девяносто восемь процентов занимается расследованиями.

Дарвин потер щеку.

– Ясно. А в качестве главного следователя окружной прокуратуры вы ведете расследование, чтобы потом, когда настанет час, вышибить дверь ногой...

– А потом как следует пнуть преступника, который прячется за этой дверью, – ослепительно улыбнулась Сид.

– И часто?

Улыбка Сидни потускнела, но не исчезла до конца.

– Достаточно часто, чтобы не потерять форму.

– А еще вам поручают проводить межведомственные операции типа «Большой чистки в Южной Калифорнии», – добавил Дар.

Ее улыбка наконец пропала.

– Да. И я готова побиться об заклад, что у нас с вами одинаковое отношение ко всевозможным заседаниям и комиссиям.

– Пятый закон Дарвина, – кивнул он. Сид вопросительно вздернула бровь.

– Сумма интеллекта обратно пропорциональна количеству голов, – объяснил Дарвин.

Сидни допила кофе, осторожно поставила чашку на блюдце и спросила:

– Это закон Чарлза Дарвина или доктора Дарвина Минора?

– Не думаю, что Чарлзу часто приходилось заседать в советах и на собраниях, – заметил Дар. – Он просто плавал по морям на своем «Бигле» и загорал, наблюдая за своими любимыми зябликами и черепахами.

– А что гласят остальные пункты вашего закона?

– Возможно, вы ознакомитесь с ними во время нашего дальнейшего сотрудничества, – ответил Дарвин.

– А мы собираемся сотрудничать?

Дар развел руками.

– Я всего лишь хочу докопаться до сути этого киношного плана. Пока все достаточно шаблонно. Выставляете меня

в качестве приманки, надеясь, что «Альянс» бросит на меня еще одну парочку киллеров. Конечно, вам придется меня защищать. Поэтому вы будете находиться рядом со мной все двадцать четыре часа в сутки. Хороший план.

Он окинул взглядом гостиную и кухню.

– Правда, не представляю, где вы будете спать, но мы что-нибудь придумаем.

Сидни потерла пальцем бровь.

– И не мечтайте, Дарвин. Ночью полицейское управление Сан-Диего вышлет дополнительные патрули. Я же должна осмотреть вашу квартиру и составить... отчет – с точки зрения безопасности, для Говнюка.

– И как? – поинтересовался Дар. Сид снова улыбнулась.

– Я с радостью доложу ему, что вы проживаете в настоящем сарае, где только часть помещений выделена под квартиры и жилые помещения. На лестнице – никакой охраны... если не считать охраной ту старую сонную клячу. На первом этаже, где вы паркуете свой танк «Шерман», который притворяется спортивной машиной, низкая степень освещенности и нет никакой охраны. Входная дверь... Да, укрепленная, с тремя хорошими замками и цепочкой. Но эти окна – сущий кошмар. Вас запросто подстрелит слепой снайпер с проржавевшим «спрингфилдом» в безлунную ночь. Ни штор, ни жалюзи – голые окна. Может, вы эксгибиционист в душе, Дар?

– Мне нравится вид из окна.

Он встал и подошел к кухонному окну.

– Отсюда хорошо виден залив, аэропорт, Пойнт-Лома, морской порт...

Он умолк, осознав, насколько неубедительно звучат его слова.

Сидни подошла к окну и встала рядом. Дарвин уловил легкий аромат ее волос и тела. Пахло приятно. Он всегда предпочитал наслаждаться естественным запахом тела, похожим на свежесть леса после дождя, чем крепкими духами.

– Вид замечательный, – признала Сид. – Мне нужно вызвать такси, вернуться в «Хайат» и успеть еще сделать несколько звонков.

– Я тебя отвезу...

– Черта с два! – отрезала Сид. – Уж если наше кино превратилось в такой боевик, оставь свою галантность при себе.

Она вызвала такси по телефону, который стоял на кухне.

– Ну ты же не собираешься и вправду стеречь меня круглые сутки? – встревожился Дарвин. – И при чем тут боевик?

Сидни Олсон утешительно похлопала его по плечу.

– Если тебя не снимет снайпер, а русская мафия не пережрет тебе глотку в том темном закоулке, который ты называешь гаражом, и если напоследок тебя не пристукнут в подворотне, позвони мне, когда Стюарты пошлют тебя на следующее задание. Официально мы будем вместе расследовать аварии и случаи мошенничества со страховками.

– А неофициально? – поинтересовался Дар.

– Гм, думаю, что никакого «неофициально» не будет, –

ответила Сидни, подхватывая свою тяжелую сумку и направляясь к двери. – Говнюк предоставил мне комнату в здании суда. Я бы официально выразила свою радость, если бы завтра утром ты явился туда, чтобы помочь мне разобраться со случаями, которыми ты прежде занимался.

Она написала на визитке свой номер телефона.

– И, возможно, я отыщу причины, из-за которых твои давешние приятели в сером «Мерседесе» мечтали отправить тебя на тот свет.

– Может быть, они спутали меня с каким-то водителем «Акуры», который проигрался в пух и прах в «Эм-Джи-Эм Гранд-Отеле» и улизнул, не заплатив? – предположил Дар.

– Может быть, – бросила Сид, оглядывая комнату и ее хозяина перед тем, как переступить порог квартиры. – Так сколько у вас здесь книг, доктор Минор?

– Я сбился со счета после шести тысяч, – пожал плечами Дарвин.

– Когда-то у меня было столько же, – заметила Сид. – А потом, когда я стала главным следователем, я их раздала. «Иди налегке» – вот мой девиз.

Она шагнула на лестничную площадку, повернулась и погрозила Дару пальцем.

– Я не шучу относительно твоего визита в мой кабинет и звонка перед тем, как отправишься на какой-нибудь серьезный случай.

Сидни дала ему карточку с номерами рабочего телефона в

Сакраменто и пейджера. Поверху, карандашом, был записан номер кабинета в здании суда Сан-Диего.

– Конечно, – согласился Дар, разглядывая ее карточку. Дорогая, но без номера домашнего телефона. – Смотри, ты сама этого хотела, – предупредил он.

Сид уже шагала по коридору, направляясь к грузовому лифту, и вскоре скрылась за поворотом. Мягкие подошвы ее туфель позволяли ходить практически бесшумно.

– Ты сама этого хотела, – повторил Дарвин и вернулся в квартиру.

Ее сонный, невнятный голос прозвучал только после пятого звонка.

– Олсон слушает.

– Проснись и пой, госпожа главный следователь!

– Кто это?

Одурманенная сном Сид проглотила последнее слово, с трудом выговорив только «т».

– Какая у нас короткая память! – злорадствовал Дарвин. – Сейчас без десяти два. Ночи. Ты просила позвонить, когда я в следующий раз поеду по вызову. Я уже одет и выезжаю. Даю тебе целых пять минут на сборы, пока я доберусь до «Хайата».

Пауза. Дарвин отчетливо слышал ее тихое дыхание.

– Дар... помнишь, я просила позвонить, когда будет что-то серьезное. Если это какой-нибудь водитель трейлера, которого пырнули ножом на Пятом шоссе...

– Знаете, главный следователь Олсон, – перебил ее Дар, – никогда заранее нельзя сказать, насколько случай серьезен, пока не приедешь и не взглянешь своими глазами. Но Ларри тоже едет, а он нечасто берет меня с собой.

– Хорошо-хорошо, – пробормотала Сид. – Через пять минут я буду готова.

– Уже через четыре минуты, – поправил Дар и повесил трубку.

* * *

Дорога была относительно пустынна, когда Дарвин свернул с шоссе номер 5 на север, минуя Ла-Джоллу.

– Ты слышала про Ла-Джолла-Джойа? – спросил Дарвин, когда Сид уже сидела рядом и полосы света от натриевых фонарей проплывали по ветровому стеклу и их лицам.

– Похоже на сценическое имя стриптизерши, – отметила Сид, растирая себе щеки, чтобы хоть немного проснуться.

– Похоже, – согласился Дар, – но на самом деле это название новой открытой концертной площадки в Сан-Диего. Она находится в холмах, восточнее магистрали... Вообще-то она ближе к Дел-Мару, но Дел-Мар-Джойа звучало бы не так впечатляюще.

– В нем и так нет ничего впечатляющего, – сказала Сид.

В ее голосе слышалась усталость человека, работающего более восемнадцати часов в сутки.

– Согласен. Мы направляемся именно туда. Скорее всего, концерт уже закончился, но там остался по меньшей мере один труп.

– Пырнули ножом? – спросила Сид. – Какие-нибудь бешеные мотоциклисты вроде «Ангелов ада»? Или кого-то покалечили, когда стадо поклонников поперло к сцене?

Дар не смог сдержать улыбки.

– В обоих случаях нас бы не вызывали. Видишь ли, городское управление всегда косо смотрит на несчастные случаи во время концертов на стадионах, особенно групп хэви-метал, и...

– А чей концерт был сегодня? – перебила его Сид.

– «Металлики», – ответил Дар.

– О боже! – скривилась Сид. Судя по ее лицу, можно было подумать, что ей только что прописали клизму с бариевой взвесью.

– Тем не менее, – продолжал Дар, – один преуспевающий теперь менеджер выкупил эти сто шестьдесят два акра каменной местности и огородил. Это что-то вроде пересохшего русла ручья. Впереди – место для парковки машин, посредине – сцена на ровной площадке, а за ней – пологий склон холма, заросший наверху густым лесом, прореженным кое-где вздымающимися утесами. Менеджер установил на этом участке прожекторы, сцену, усилители и три тысячи сидений. Для любителей природы осталась куча места на чудном зеленом склоне холма, где все желающие спокойно мо-

гут разместиться на одеялах или просто на траве. Поначалу там было только одно заграждение – вокруг всего участка, но после первого концерта соорудили еще одно, отгораживающее места вокруг сцены от деревьев. Кое-кто из устроителей жаловался, что в темноте зрители занимаются непристойностями.

– Видимо, жалобщики притащили с собой прибор ночного видения, если разглядели это в темноте, – заметила Сид.

– Ага. Но менеджер тем не менее решил на всякий случай отгородить от зрителей и деревья, и скалы. Поэтому клиент Ларри и Труди нас и вызвал.

– Клиент – это менеджер?

– Нет.

– Значит, страховая компания, которая подтверждала платежные обязательства концертной площадки?

– Нет.

– «Металлика»?

– Нет.

– Сдаюсь, – призналась Сид. – Чью же задницу мы едем спасать?

– Строительной компании, которая ставила ограждение.

* * *

К тому времени как Дарвин, двигаясь навстречу потоку машин, подвел свой «Лендкрузер» по песчаной доро-

ге к концертной площадке, большая часть концертного начальства разъехалась по домам. «Металлика» давным-давно укатила туда, куда обычно укатывала после концертов. Но несколько оглушенных, сонных и одурманенных фанатов еще бродили вокруг сцены.

Дар заметил сверкание мигалок в дальнем конце русла давно пересохшего ручья, у обрыва, и повел машину туда. У калитки в низкой ограде, за которой начинались те самые непристойные кусты и деревья, их остановил полицейский калифорнийского дорожного патруля, при свете карманного фонарика проверил документы и махнул рукой – проезжайте, мол.

Мигалки принадлежали нескольким полицейским автомобилям, двум каретам «Скорой помощи», машине шерифа, двум тягачам и пожарной машине. Весь этот транспорт сгрудился в узком конце V-образного высохшего русла. Пихты и ели возносились на высоту тридцать-сорок футов, скрывая кронами звезды и вершину обрыва. Фары освещали изломанные останки пикапа, старенького «Форда-250».

Дар припарковал «Лендкрузер» и достал из багажника мощный фонарь, после чего они с Сидни направились к месту происшествия. По пути их дважды останавливали и проверяли удостоверения – группа копов и охранники у желтой ленты, которой было обнесено место происшествия. К ним подошел Лоуренс.

– Черт, – вырвалось у Дарвина. – Как это ты умудрился

поспеть сюда раньше меня?

Усы Лоуренса довольно встопорщились.

– Что, туго без своей «Акуры», а?

– Сид, – повернулся к спутнице Дарвин, – ты наверняка помнишь Ларри Стюарта, вы встречались утром на заседании.

– Лоуренса, – поправил Лоуренс. – Добрый вечер, мисс Олсон.

– Привет, Лоуренс, – отозвалась Сид. – Что тут у нас?

Лоуренс с минуту моргал, не в силах поверить своему счастью – ведь его назвали Лоуренсом! – затем спохватился и начал объяснять:

– Как вы и сами можете видеть, имеется разбитый вдреизг «Форд Ф-250». Водитель мертв. Вылетел сквозь переднее стекло и приземлился примерно в восьмидесяти трех футах от машины. Я измерял расстояние шагами, потому мог ошибиться. – Он махнул фонариком в сторону группы людей у подножия дерева, которые стояли и сидели на корточках вокруг трупа мужчины.

– Он в темноте врезался в скалу? – спросила Сид. Лоуренс отрицательно покачал головой. Откуда-то неожиданно вынырнул полицейский и подошел к ним.

– Сержант Камерон! – удивился Дар. – Далековато вас сегодня занесло.

– Кто бы говорил, гроза «Мерседесов»! – парировал Камерон, затем он повернулся к Сид и коснулся пальцами фу-

ражки. – Как поживаете, мисс Олсон? Давненько вас не видал, с тех пор, как вы проводили у нас совещание в прошлом месяце.

Сержант сунул руки за пояс, большими пальцами наружу, и оттянул его, так что кожаный ремень натужно затрещал.

– Ну да, я тут с самого начала, в охране был. А как только концерт закончился, нам и сообщили об этом безобразии.

– Кто-нибудь слышал, как это случилось? – поинтересовался Дарвин.

Камерон мотнул головой.

– И немудрено. Когда выступает «Металлика», колонки и публика устраивают дикий рев. Если бы тут рванули ядерную бомбу, как над Хиросимой, все равно никто этого не заметил бы.

– Водитель был пьян? – спросил Лоуренс.

– На пассажирском сиденье вон того изжеванного пикапа нашли десять банок из-под пива, – ответил Камерон. – Еще восемь-девять штук вылетело из машины вслед за водителем.

– Так он врезался в скалу? – переспросила Сид. Лоуренс и Камерон дружно покачали головами.

– Видите, как расплющилась эта жестянка? – сказал Лоуренс. – Эта штука свалилась сверху.

– Он упал с обрыва? – поразилась Сидни Олсон. – Оттуда?

– Чтобы приземлиться таким образом, «Форд» должен

был двигаться задним ходом, – заметил Дарвин. – Поэтому водителя выбросило в сторону сцены. Машина сперва ударилась задней частью – видите, как ее сплющило? – отчего водитель вылетел сквозь ветровое стекло, как пробка из бутылки. И только после этого смялся весь корпус.

Сидни Олсон подошла поближе к обломкам «Форда», к которым бригада аварийщиков прилаживала два троса.

– Отойдите! – крикнул один из полицейских. – Сейчас его поднимут.

– Заснять успел? – спросил Дар у Лоуренса. Ларри кивнул и похлопал по чехлу своего «Никона».

– А дельце-то интересней, чем казалось, – тихо промолвил он, не сводя взгляда с поднимающегося «Форда».

– В каком смысле... – начала Сидни и осеклась. – Господи!

Под останками машины обнаружился труп еще одного мужчины. Его голову, правую руку и плечо размозжило в кашу. Левая рука была сломана в нескольких местах, причем, судя по всему, она сломалась еще до того, как ее придавил «Форд». На несчастном была футболка, а штаны оказались спущены до колен. Вернее, они обмотались вокруг высоких ботинок. Все прожектора и фонари скрестили свои лучи на трупе, и Сидни снова выдавила: «Господи...»

Ноги и обнаженный торс мужчины покрывали бесчисленные раны и порезы. Из бедра торчала рукоятка складного ножа. И все было залито кровью. Вокруг пояса у него была обмотана

бельевая веревка, а еще футов сто такой же веревки валялось вокруг тела. И, самое худшее, из заднего прохода мужчины торчал трехфутовый обломок большого сука. Все вздрогнули, разглядев, какой толщины был сук.

– Да, – согласился Дарвин, – интересное дельце.

Вскоре все было сфотографировано, проверено и измерено. Полицейские и спасатели ходили кругами и спорили, спорили и ходили кругами. Медэксперт и судебный следователь в один голос объявили, что пострадавший мертв. Некоторые из присутствующих испустили долгий вздох облегчения. И тут же разгорелись дебаты по поводу того, что здесь произошло.

– И никаких улик, – шепотом посетовал сержант Камерон.

– С ума сойти, – покачала головой Сид. – Может, это какая-то сатанинская секта?

– Вряд ли, – бросил Дарвин.

Он подошел к пятерым пожарникам и о чем-то с ними потолковал. Через несколько минут они подняли длинную пожарную лестницу на вершину обрыва, который снизу был почти неразличим за густыми кронами деревьев.

Дарвин, Лоуренс и двое полицейских вскарабкались наверх, прихватив несколько мощных фонарей. Через пять минут они спустились – все, кроме Дара, который остался на верхней площадке лестницы, на высоте двадцать пять футов от земли, и замахал водителю пожарной машины. Лестница, с Дарвином на верхушке, придвинулась к деревьям и утону-

ла в густой листве. Какое-то время он стоял там, светя фонариком во все стороны, пока наконец не закричал: «Нашел!»

Сидни, сколько ни приглядывалась, так и не смогла разглядеть, что он там обнаружил и теперь фотографирует. Лоуренс достал из бокового кармана своей рубашки-сафари небольшой бинокль.

– Что там? – нетерпеливо спросила Сид.

– Трусы того парня, зацепились за ветку, – ответил Лоуренс, но тут же спохватился: – О, простите. Хотите взглянуть?

И протянул ей свой бинокль.

– Спасибо, нет.

Спустя пятнадцать минут обсуждение закончилось, трупы упаковали в пластиковые мешки и утащили на носилках по разным машинам «Скорой помощи», и все уgomонились. Лоуренс проводил Дарвина и Сид к «Лендкрузеру». Его «Исудзу Труппер» был припаркован неподалеку.

– Так, – начала Сидни Олсон с раздраженной ноткой в голосе. – Я ничего не понимаю. Я не слышала, что ты там рассказывал полицейским. Что же тут, черт побери, произошло?

Оба ее спутника остановились и одновременно принялись говорить. И так же дружно умолкли.

– Давай, – предложил Дарвин Ларри, – ты расскажешь первую половину.

Лоуренс кивнул. Оживленно жестикулируя, он принялся

объяснять:

– Все началось с того, что двое парней высосали восемнадцать или двадцать банок пива и решили прорваться на концерт. Билетов у них не было, но они знали о старой пожарной дороге, которая шла поверху, и посчитали, что в темноте незаметно смогут по ней проехать. Но на этой дороге наш клиент поставил ограждение – деревянный забор высотой в десять футов.

Сид оглянулась и посмотрела на чернеющую в темноте вершину обрыва. Внизу аварийщики грузили обломки «Форда» на плоскую платформу.

– Они что, проломались через забор? – тонким голосом спросила Сидни.

– Не-а, – ответил Лоуренс, качая головой. – Они успели затормозить. И водитель – тот, который потоще, – развернул машину, помог приятелю перелезть через забор и отправил его поглядеть, далеко ли до концертной площадки.

Приятель перелез через забор, но было слишком темно, и он сорвался вниз с обрыва. А внизу – пропасть в тридцать футов. Поэтому он рухнул на верхушки деревьев...

– И погиб?

Лоуренс снова покачал головой.

– Нет, он зацепился за ветку. Видимо, тогда и сломал левую руку. Зацепился штанами и поясом.

– Он так и не понял, как высоко он висит, – добавил Дарвин. – Глянув вниз, он принял верхушки более низких де-

ревью за кустарник и, видимо, решил, что до земли совсем недалеко.

– Потому и распорол ножом свои штаны, – закончил Лоуренс.

– И пролетел еще двадцать футов, – добавила Сид.

– Ага, – сказал Ларри.

– Но и тогда остался жив, – произнесла Сидни с полувопросительной интонацией.

– Именно, – кивнул Лоуренс. – Только страшно ободрался, пока летел через кроны деревьев. Плюс ко всему всадил себе в бедро нож на целых три дюйма, а задницей напоролся на ту кошмарную ветку. Прошу прощения за прямоту.

– И что было потом? – спросила Сид.

– Дар, ты первым это обнаружил, – сказал Ларри. – Может, закончишь рассказ?

Дар пожал плечами.

– Да осталось уже немного. Водитель услышал, что его друг вопит от боли где-то внизу. И сообразил, что тот, вероятно, упал с обрыва. Отчасти крики его товарища заглушал грохот «Металлики», но водитель понимал, что должен что-то предпринять.

– И он... – подтолкнула Сид.

– И он нашел старую бельевую веревку, которая валялась в багажнике пикапа, и сбросил ее вниз, крикнув приятелю, чтобы тот обвязал конец вокруг пояса, – продолжал Дар. – Это мое предположение. На самом деле все было не так быст-

ро и не так просто. Наверняка водитель долго и матерно ругался, пока его товарищ не обвязал веревку вокруг пояса и не затянул узлом. Водитель накрепко привязал свободный конец к заднему бамперу своего «Форда».

– А потом...

Дарвин дернул плечом, словно слушатели должны были и так догадаться о результате. Собственно, они уже догадались.

– Ну, водитель был на взводе и слишком пьян. Потому по ошибке дал задний ход и проломил забор нашего клиента. Там остался четкий след протектора на земле и дыра в заборе. В результате чего он свалился вместе с машиной прямо на голову своему приятелю и катапультировался через ветровое стекло, пролетев вперед целых восемьдесят пять футов.

– Отправь мне утром отчет по имейлу. Я составлю официальную версию и перешлю клиенту, – сказал Лоуренс.

– К десяти утра я составлю полный анализ, – пообещал Дар.

– И вот этим вы себе на жизнь зарабатываете? – покачала головой Сидни.

Глава 6. Е – ералаш

Первый телефонный звонок раздался в пять утра.

– Черт, – проворчал Дар.

Вообще-то утро для него начиналось где-то в полдесятого – в десять, когда он сидел за чашкой кофе, жевал булочку и читал свежую газету. Поэтому можно считать, что телефон зазвонил в пять.

– Аллю!

– Мистер Минор, это Стив Капелли из «Ньюсуик мэгэзин». Мы хотели бы поговорить с вами о...

Дарвин бросил трубку и перевернулся на другой бок, надеясь урвать еще кусочек сна.

Второй звонок прозвучал через пару минут.

– Доктор Минор, меня зовут Эвелин Саммерс... Может, вы видели меня на седьмом канале... и я надеюсь, что вы...

Дар так никогда и не узнал, на что надеялась эта Эвелин, потому что повесил трубку, отключил звонок и подошел к окну. Кроме патрульной машины, еще вчера неприметно затаившейся за кустами, у обочины стояло три очень даже приметных фургончика телевизионщиков. Пока Дарвин наблюдал за улицей из окна, к ним присоединился еще один, со спутниковой антенной на крыше.

Он подошел к телефону и надиктовал сообщение на автоответчик: «Эй, кому там спокойно не сидится? Дома никого,

кроме меня и моих доберманчиков. Если тебе есть что сказать – валяй! Нету – проваливай!»

Потом Дар отправился в ванную, принял душ и побрился. Десять минут спустя, уже одетый и с чашкой кофе в руке, он снова подошел к окну.

Теперь перед домом стояли уже пять телевизионных фургонов и четыре машины, битком набитые журналистами. Так, подумал Дар, им понадобилось сорок восемь часов, чтобы узнать мое имя по номерам несчастной «Акуры». Пожалуй, у кого-то из них есть связи в Департаменте дорожного движения. Дарвин сомневался, что к фамилии и адресу присовокупили его фото с водительского удостоверения, но выглядывать наружу и спрашивать об этом он не собирался. Огонек на телефоне мигал не переставая. Дар начал складывать в спортивную сумку рубашки и брюки, насвистывая мелодию из «Крестного отца».

Прибыв во Дворец правосудия, Дар обнаружил, что заместитель окружного прокурора Ньюк остался верен себе и проявил душевную щедрость даже в вопросе передачи одного из кабинетов во временное пользование заезжему главному следователю. «Кабинет» Сидни Олсон располагался в подвале старого крыла Дворца правосудия, рядом с тюремными камерами.

Это была небольшая допросная комната. Стены ее, внизу тошнотворно-зеленые, вверху беленые, пожелтевшие от старости, были там и сям разукрашены щербинами и абстракт-

ными узорами из мух, прихлопнутых еще в сороковом году. Из мебели в комнате находились складные столы и металлические стулья. Окон не было, но с одной стороны находилась зеркальная стеклянная стенка, за которой во время допросов скрывался наблюдатель. Зато складные столы ломались от всевозможной техники – начиная с ноутбука «Гейтвей» и заканчивая подсоединенными к нему принтерами, сканерами прочей оргтехникой. Еще в комнате обнаружили два новых телефона. На дальней стене висела карта Южной Калифорнии, утыканная красными, синими, зелеными и желтыми флажками. Секретарь, бодро стучавший на втором компьютере, сообщил Дару, что следователя Олсон вызвали к окружному прокурору. Но она обещала вернуться через час и просила, если придет доктор Минор, чтобы он ее подождал.

Секретарь предложил Дару налить себе кофе и кивнул на неизменную кофеварку на столике под зеркальным окошком. Кофе, который пили копы, на 180 процентов состоял из кофеина, а по вкусу, запаху и виду смахивал на расплавленный дорожный гудрон в жаркий летний день. Дарвин подозревал, что это секретное оружие американских правоохранительных органов против ненормированного рабочего дня, отвратительных условий работы, нищих клиентов и жалкой заработной платы. Дар отхлебнул из пластикового стаканчика и сразу же почувствовал себя уставшим и раздраженным на весь белый свет.

– Я зайду попозже, – бросил он.

Отыскав в коридоре пустую лавку, Дарвин включил свой ноутбук и допечатал аналитический отчет по случаю на концерте «Металлики». Подсоединил к сотовому телефону шнур для подключения к компьютеру и отправил отчет прямо на факс агентства Стюартов, чтобы они сразу получили распечатку.

Укладывая ноутбук обратно в сумку, Дар призадумался о том, как убить следующие полчаса. Приняв решение, он прошел до конца коридора, мимо тюремных камер, в которых заключенные завывали на разные голоса, словно шавки в конуре, и поднялся по отполированным ступеням в старый готический зал суда. От деловой и мерзкой пристройки, в которой располагались кабинеты Говнюка и прочих судейских крыс, старое крыло отличалось отсутствием кондиционеров и поистине королевской роскошью отделки помещений.

Два дня назад Дарвин заявил Сидни, что любит мыльные оперы. Поскольку телевизор он обычно не смотрел, то наверстывал упущенное, присутствуя на судебных разбирательствах, пока ожидал слушания тех дел, на которых выступал в качестве свидетеля-эксперта. Проскользнув в зал 7А, Дар присел в заднем ряду и кивнул нескольким знакомым, таким же заядлым слушателям.

Ему понадобилась всего пара минут, чтобы вникнуть в суть происходящего. Разбиралось дело о сексуальном домогательстве. Служащая одной маленькой фирмы заявила, что

начальник склонял ее к сожительству. В зале стояла одуряющая жара, и добрая половина присяжных задремывала под показания череды свидетелей, которые расцвечивали рассказ о сексуальных пристрастиях начальника все новыми подробностями. Двадцатилетняя девица-регистратор показала, что начальник в ее присутствии неоднократно заявлял, что истица – секретарша сорока с лишним лет – «еще ничего».

Через десять минут настала очередь истицы давать показания. Эта женщина живо напомнила Дарвину его университетскую преподавательницу латыни. Громоздкие очки на цепочке, старомодный костюм, белая блузка с пышным жабо, простые туфли и тусклые светлые волосы, собранные в пучок. Она держалась скромно и застенчиво и, судя по выражению лица, уже много раз успела пожалеть, что начала это разбирательство.

Ее адвокат умело провел несчастную через серию каверзных вопросов. Тем временем ответчик – маленький, сильно смахивающий на хорька человек – извелся от жары в своем шерстяном костюме, отчего постоянно ерзал и елозил на стуле. Истица отвечала так тихо, что судье дважды приходилось просить ее повторить свой ответ погромче.

Некоторые присяжные едва удерживались, чтобы не соскользнуть в послеобеденный сон. Дар был знаком с судьей. Его честь Уильям Райли Уильямс, шестидесяти восьми лет от роду, отличался таким количеством морщин и подбород-

ков, что походил на восковую скульптуру киноактера Уолтера Метау, которую кто-то неосторожно поднес к открытому огню. Но Дарвин также знал, что за дремотной, скучающей внешностью судьи Уильямса скрывается острый и пронизательный ум.

Адвокат истицы наконец добрался до главного вопроса.

– Мисс Максвелл, какое же проявление предосудительного поведения вашего непосредственного начальника послужило причиной того, что вы вынуждены были решить этот конфликт только путем судебного разбирательства?

Последовала пауза, во время которой истица, судья и немногочисленные слушатели мысленно переводили этот пассаж с юридического языка на человеческий.

– Вы спрашиваете, что сделал мистер Стаббинс такого, из-за чего я решила начать судебный процесс? – наконец выдавила мисс Максвелл.

Говорила она так тихо, что все присутствующие в зале, кто еще не заснул, вытянули шеи, чтобы получше слышать.

– Да, – ответил адвокат, не рискуя больше сбиваться с нормального английского языка.

Мисс Максвелл покраснела. Румянец залил сперва ее шею, выглядывающую из белой пены жабо, перекинулся на щеки и, наконец, окрасил лоб в ярко-розовый цвет. Казалось, на нее плеснули красной краской.

– Мистер Стаббинс сказал... он сделал мне нескромное предложение.

Судья Уильямс облокотился о стол, подпер ладонью свои бесчисленные щеки и подбородки и попросил истицу повторить ответ погромче. Она повторила.

– И вы сочли это нескромное предложение домогательством? – спросил адвокат.

– О да, – кивнула мисс Максвелл и зарделась еще гуще. Она потупила взгляд и теперь смотрела на свои судорожно стиснутые руки.

– Не могли бы вы сказать суду, какое непристойное предложение сделал вам начальник? – с нескрываемым триумфом в голосе попросил адвокат, поворачиваясь к присяжным.

Мисс Максвелл с минуту глядела на свои руки, а затем едва слышно что-то прошептала. Дарвин и другие слушатели подались вперед. Все поморщились, изо всех сил пытаясь расслышать ответ истицы.

– Вы не могли бы повторить это погромче, мисс Максвелл? – попросил судья.

У него даже голос был похож на голос Уолтера Метау.

– Я не могу, я стесняюсь, – призналась несчастная секретарша, быстро-быстро захлопав ресницами за стеклами своих огромных очков.

Адвокат озадаченно обернулся к истице. Видимо, этот ответ выбивался из канвы его тщательно отрепетированной пьесы. Мистер Стаббинс ухмыльнулся и принялся что-то шептать своему адвокату, который с самого начала заседа-

ния хранил невозмутимое выражение лица.

– Могу я посоветоваться с адвокатом защиты? – спросил адвокат мисс Максвелл, не желая отказываться от успеха, достигнутого путем сложной юридической эквилибристики. Последовало краткое совещание, во время которого адвокат защиты что-то лопотал, адвокат истицы захлебывался шепотом и яростно жестикулировал, а судья молча слушал и хмурил брови.

Через несколько минут адвокаты расселись по местам, а судья обратился к пылающей от смущения истице:

– Мисс Максвелл, суд понимает ваше нежелание повторять вслух фразу, которую вы восприняли как непристойное предложение. Но, поскольку обстоятельства вашего дела требуют, чтобы суд и присяжные точно знали, что именно вам сказал мистер Стаббинс, не могли бы вы написать эту фразу на бумаге?

Мисс Максвелл призадумалась, кивнула и побагровела еще больше. Наблюдатели с недовольным стоном опустили на скамейки. Судебный пристав принес ручку и блокнот стенографиста. Мисс Максвелл писала злосчастную фразу, казалось, целую вечность. Пристав вырвал листок из блокнота и протянул его судье. Судья прочел, выражение его лица нисколько не изменилось. Он поманил адвокатов и отдал им листок. Те молча прочли и от комментариев воздержались. Пристав, с листком в руке, подошел к скамье присяжных заседателей.

Первой сидела женщина – очкастая, высокая, худощавая, но на удивление полногрудая. Она была одета в черный деловой костюм и белую блузку, и ее волосы тоже были собраны в пучок.

– Передай листок господину старшине присяжных, – приказал приставу судья Уильямс.

– Госпоже старшине! – заявила дама на переднем сиденье и возмущенно вскинула голову.

– Прошу прощения? – переспросил судья, приподнимая ладони многочисленные щеки и подбородки.

– Госпоже старшине, ваша честь, – повторила женщина. Ее и без того тонкие губы сжались в едва заметную щелочку.

– Ах да, – спохватился судья Уильямс, – конечно. Пристав, отдайте, пожалуйста, этот листок старшине присяжных. Госпожа старшина, когда прочтете надпись, передайте, пожалуйста, ее всем остальным присяжным.

Взгляды всех присутствующих в зале впились в лицо госпожи старшины. Она внимательно изучила надпись на листке и брезгливо поморщилась. Покачав головой, дама протянула листок следующему присяжному, сидевшему слева.

Дарвин успел заметить, что «присяжный номер два» – полный мужчина в полосатом пиджаке – давно клевал носом. Он сидел, прикрыв глаза и сложив руки на внушительном брюхе, и разве что не храпел. Дар прекрасно знал, что присяжные частенько задремывали во время судебных разбирательств, особенно в жаркий летний день. Ему приходи-

лось наблюдать это воочию, даже когда он давал показания во время слушания дел о преднамеренном убийстве.

Госпожа старшина толкнула «присяжного номер два» локтем в бок. Тот вздрогнул и открыл глаза. Не замечая, что на него обращено внимание всего зала, толстяк взял листок из рук грудастой дамы и прочитал, что на нем было написано. Вытаращив глаза, он снова перечитал надпись. Затем медленно повернулся к госпоже старшине, подмигнул и кивнул головой. Блокнотный листок он сложил и сунул в карман.

В зале воцарилась такая тишина, что ее можно было резать на части и продавать школьным учителям – оптом и в розницу. Все взгляды метнулись в сторону судьи и судебного пристава.

Пристав шагнул к скамье присяжных, замер и повернулся к судье Уильямсу. Его честь открыл рот, закрыл и принялся тереть свои подбородки, пытаясь скрыть ухмылку. Истица от смущения была готова забраться под скамью.

– Суд удаляется на совещание, – объявил судья Уильямс.

Он ударил молоточком и удалился в вихре складок своей необъятной мантии. Слушатели поднялись с мест, подталкивая друг друга локтями и сдавленно хихикая.

«Присяжный номер два» ухмылялся и многозначительно подмигивал госпоже старшине, которая косилась на него и закатывала глаза. А затем вышла из зала, распространяя вокруг себя волну арктического холода.

Вернувшись в допросную комнату, которую Говнюк предоставил Сид в качестве кабинета, Дарвин обнаружил там главного следователя Олсон, с головой ушедшую в работу. Секретарь куда-то делся. Маленький вентилятор и открытая нараспашку дверь слегка разгоняли духоту, но за пятьдесят лет комната успела крепко провонять потом испуганных преступников и уставших полицейских.

– Спасибо, что дождался, – сказала Сидни. – Окружной прокурор и Говнюк показали мне утренние газеты. Они уже не называют тебя дорожным убийцей.

– Ага, – кивнул Дар, наливая себе чашечку гудрона. – Теперь я таинственный детектив.

– Поглядим, какой из тебя детектив, – улыбнулась Сид и указала на карту, утыканную разноцветными флажками. – Можешь определить, что обозначает моя маленькая тактическая карта?

Дарвин достал из кармана очки, в которых обычно читал, и, сдвинув их на кончик носа, пригляделся к карте.

– Красные и синие флажки расположены на дорогах... не на улицах, а на магистралях. Думаю, это... столкновения по вине одного из водителей? Вернее, инсценированные столкновения?

Сид кивнула с радостным удивлением.

– По большей части. А в чем разница между красными и синими?

– Понятия не имею. Красных больше... Постой-ка, я помню вот этот случай, на шоссе 1–5. Летальный исход. Машина – допотопный «Вольво», голубого цвета. Водитель – безработный эмигрант. Столкнулись две машины, но водитель «Вольво» – кстати, пострадавшая сторона – погиб.

– Красные флажки обозначают случаи с летальным исходом, – кивнула Сид. Дар присвистнул.

– Так много? Не понимаю. Обычно столкновения по вине водителей случаются на городских дорогах, а не на шоссе. Там слишком опасно... да и должен же кто-то выжить, чтобы заплатить деньги!

Сид кивнула.

– А зеленые флажки?

Дар изучил расположение многочисленных зеленых флажков. Два – в порту Сан-Диего. Еще три, все вместе, на опасном повороте в холмах к востоку от Дел-Мара. Остальные – вокруг Лос-Анджелеса и Сан-Диего. Но не на шоссе.

– Аварии из-за технических неполадок, – предположил Дар. – Тех двоих в порту сперва подозревали в том, что они инсценировали несчастный случай, из-за большой страховки. Но оба рухнули с парашюта и разбились насмерть. Смотреть было не на что.

– И все-таки это было инсценировано, – заметила Сид. Дар с сомнением посмотрел на нее.

– Похожий случай я как-то расследовал. Один маляр, работавший на стройке, подозревался в инсценировке нескольких несчастных случаев. А потом сорвался с лесов и упал на сваленные в кучу стальные трубы. Его семья, конечно, нуждалась в деньгах, но не до такой же степени. Обычно семьи мошенников живут на страховку от инсценированных несчастных случаев.

Сид усмехнулась и скрестила руки на груди.

– А что ты скажешь о желтых флажках?

– Он только один, – отметил Дар. – Остальные приколоты к краю карты и ждут своего часа.

– Ну?

– И этот единственный флажок – у озера Эльсинор, рядом с рестораном «Кругозор». Поэтому сдается мне, что это мой случай.

– Правильно. Собственно, желтые флажки будут обозначать места покушений на твою жизнь.

Дар вскинул бровь и посмотрел на остальные флажки на краю карты. Их было не меньше дюжины.

– Мне нужно заехать к Лоуренсу и Трудю, – бросила Сидни, собирая огромную спортивную сумку и укладывая свой ноутбук в кожаный чехол. – Я примерно знаю, где они живут, но рассчитываю, что ты меня довезешь.

– Я не еду в Эскондидо, – покачал головой Дар. – Я собирался возвращаться домой. Пресса...

– Ах да, – усмехнулась Сид. – Я посмотрела новости по

местному каналу в семь утра. У них до сих пор нет твоей фотографии. Отчего эта братия просто исходит на дерьмо.

– Исходит на дерьмо? – повторил Дар, потирая подбородок.

– Как тебе удалось выбраться из дома незамеченным?

– Дежурные полицейские удерживали эту толпу на главной улице, – ответил Дар. – Я просто вывел «Лендкрузер» на боковую улочку и добрался до шоссе в объезд.

– Видимо, у них есть и номер твоей «Гойоты», – предположила Сид. Дарвин кивнул.

– Но я припарковал машину черт знает где, на задворках, за площадкой с мусорными баками.

Сид скорчила гримаску.

– Да знаю, – отозвался Дар. – Завтра я помою машину. Но вряд ли пресса там ее отыщет.

– Ладно, – вздохнула главный следователь Олсон, – но до конторы Стюартов ты меня можешь подбросить?

– Могу, – ответил Дар. – Но обратно тебе придется добираться своим ходом. После работы я еду в свою хижину под горой.

– Отлично, – согласилась Сид. – Заскочим ко мне в «Хайат»? Мне надо взять кое-какие вещи.

Дар нахмурился. Главный следователь остановилась у двери.

– Копам Сан-Диего приказано тебя охранять круглосуточно, – начала объяснять она. – Но если ты направишься в свою

хижину в горах, то окажешься вне их юрисдикции. Мы, конечно, можем попросить местного шерифа выделить людей для твоей охраны...

– Послушай, я ничего такого не хотел... – начал Дарвин.

Сид вскинула руку.

– Но я не только профессиональный телохранитель. Я собираюсь проверить все электронные и бумажные отчеты по тем делам, которые ты расследовал, и найти какую-нибудь ниточку к преступникам.

Дарвин с минуту смотрел на нее, краем глаза изучая отражение всей комнаты в зеркальном окошке.

«Интересно, – промелькнула у него мысль, – кто наблюдает сейчас за нами?»

– А у меня есть выбор? – поинтересовался он.

– Конечно, – заверила главный следователь, одарив Дара самой чарующей из своих улыбок. – Ты же свободный гражданин.

– Хорошо, – начал Дар.

– Конечно, ты же свободный гражданин, которому светит обвинение в непредумышленном убийстве и за которым установлено круглосуточное наблюдение. И выбор у тебя есть – вести машину самому или пустить за руль меня.

Лоуренс и Труды оборудовали контору у себя на дому, неподалеку от Эскондидо. «Агентство расследований Стюартов, инк.» располагалось в большом двухэтажном коттедже на холме, густо заросшем деревьями и кустами. Непода-

леку проходила дорога, которая вела к новому современному гольф-клубу. Ни Лоуренс, ни Труды не играли в гольф. На самом деле эта семейная пара редко уделяла внимание чему-то, что не относилось к их непосредственной работе, а в часы досуга они увлекались авторалли. Само здание занимало примерно четыре тысячи пятьсот квадратных футов, но большую часть дома Стюарты отвели под рабочие кабинеты. Первые три года, которые Дар был с ними знаком, их гостиная с высоким куполообразным потолком вообще пустовала.

Он припарковал «Лендкрузер» на стоянке, запруженной Другими машинами – старый «Исудзу» Лоуренса, «Форд Контур» Труды, взятый в аренду, «Форд Эконолин» с тонированными стеклами и два гоночных автомобиля. Один стоял на платформе прицепа, а второй – в гараже на три места, рядом с накрытым брезентом «шестьдесят седьмым» «Мустангом» и двумя мотоциклами «Голдвинг».

– Это все принадлежит им? – поразилась Сид, озирая весь четырехколесный пантеон.

– Конечно, – подтвердил Дар. – Еще была парочка «Мустангов» последней модели, но они их продали, когда приобрели гоночные автомобили.

– Они участвуют в гонках?

– Да, особый класс. На старых «Маздах RX-7», – сказал Дар. – Ларри участвует в гонках в Калифорнии, Аризоне, Мексике... везде, куда можно добраться за сутки.

– И Труды ездит вместе с ним?

– Лоуренс и Труды всегда все делают вместе.

Дарвин нажал кнопку домофона. Пока они ждали, Сидни изучала дома по соседству.

– И ни одной пешеходной дорожки...

– Вы недавно в Калифорнии, госпожа следователь? – спросил Дар, приподняв бровь.

– Три года, – ответила Сид. – Но так и не привыкла к тому, что здесь нет дорожек.

Дарвин кивнул на гараж и стоянку, забитую транспортом.

– Какого черта им может понадобиться пешеходная дорожка?

– Входите, – раздался голос Труды. – Мы на кухне.

Пропутешествовав через пустынные комнаты, забитые аппаратурой и компьютерами кабинеты и едва тронутую хозяйской рукой столовую, они обнаружили агентство Стюартов в полном составе за кухонным столом. У них был перерыв на обед.

Лоуренс восседал на табуретке, упираясь локтями в подставку для чайника. Лицо его было багровым от напряжения. Труды стояла, навалившись на стол и подавшись всем телом в сторону своего массивного супруга. Казалось, что они ведут дружескую перепалку.

– Банка Мелкой Вместимости, – прорычала Труды.

– БЬЮщееся Иностранное Корыто, – отчеканил Лоуренс.

Он указал Дару и Сид на свободные стулья у стойки и махнул на кофеварку и батарею чистых чашек. Когда гости на-

лили себе кофе, Лоуренс промолвил:

– Дорожная Жаба... Ищет Приключений.

– Дурака Обманули Дырявым Железом, – откликнулась Трудя. И тут же воскликнула, словно отбивая невидимую подачу: – Фиговый Он Разгон Дает!

Лоуренс замялся.

– Форменное Извращение, А Тужится, – неожиданно выдала Сидни. – Вместе – «Фиат»!

– О господи! – подпрыгнул на стуле Дарвин.

– Тсс! – зашипела Трудя. – Собьешь с мысли. Присоединяйтесь, главный следователь. Ваша подача.

– А-а, та же буква, – усмехнулась Сид. И присоединилась: – Форы Ослу Редко Даст.

– Фиг Обгонишь – Ремонт Дороже, – выдал Лоуренс и тут же добавил: – Абсолютно Убогая Дырявая Индюшка!

– Автомобиль Устроит Другим Инфаркт! – выкрикнула Трудя.

– Американский Колесный Унитаз Раздает Авансы, – тоненько пропела Сид.

– Очко в твою пользу. «Колесный унитаз» – это здорово! Загадывай букву.

– Модель Азиатская, Зато Дорогая Адски, – сказала Сид.

– Может, Азиатская, Зато Дырявит Асфальт! – рывкнул Лоуренс.

– Машина И ЦУнами Бы ИСколесила Изрядно! – победоносно выкрикнула Трудя.

Она допила свой кофе и хмуро посмотрела на супруга.

– А повторять загаданное другими нельзя, Ларри. «Может» и «зато» уже были, так что твоя «Мазда» гонку проиграла.

– Лоуренс, – поправил Лоуренс.

– Ну что, наигрались? – спросил Дар.

– Вот уж нет, – отрезала Трудити. – Теперь моя очередь.

Она призадумалась и произнесла:

– ПОганая Развалина Шевелится Едва.

– «Порше» вовсе не поганая развалина, – заметил Дар.

Никто не обратил на него внимания. Возможно, он просто не понял правил игры.

– Починить ЛИмузин... МУчительно Тяжело, – сказал Лоуренс.

– Это что, ты так «Плимут» разложил? – спросила Трудити. – Ладно, тогда... ПО Нутру Такой Идиотский Автомобиль Кому-то.

– Когда я был подростком, – сказал Дар, – у меня был старый «Крайслер». Так моя подружка прозвала машину «Бетрис».

Все посмотрели на Дарвина так, словно он внезапно громко пукнул.

– Какая там еще осталась буква? – спросил Лоуренс.

– «Эн», «р» и «кью». Теперь загадывает Сид.

– Новый Или Старый, Сразу Абсолютно Не разберешь, – сказала Сидни.

– «Разберешь» лишнее, желательно тютелька в тютельку, – поправила Труди. – Тогда я загадываю. Разобьешь. Если Начнешь Обгон.

– Редко Ездит НОрмально, – смущенно кашлянув на неожиданном переносе, сказал Лоуренс.

– Эротический ЭКЗемпляр, – выпалила Сид. На мгновение все умолкли, а потом Лоуренс досадливо крякнул – сейчас он водил как раз «RX-7».

– Эй! – возмутился Дар. – А почему я не загадываю? Давайте я начну, а кто перебьет – тот выиграл.

– Идет, – согласились все трое.

– Каюк! – воскликнул Дар.

– Это что за машина? – удивилась Труди.

– «Кью-45», – ухмыльнулся Дар.

– Это новая модель, – проворчал Лоуренс.

– Мягкий знак пропустил, – злорадно заметила Труди. –

Не считается!

– Считается, – твердо ответил Дар. – Я выиграл.

– А тебя в судьи никто не выбирал, – беззлобно заметил Лоуренс.

Дарвин усмехнулся.

– Я не судья и не присяжный, – ответил он. – Я господин старшина!

Потом многозначительно поглядел на стопки папок с документами, сложенных на столе в соседней комнате.

– Может, поищем наконец, из-за чего русская мафия ре-

шила меня прикончить?

Глава 7. Ж – ж-ж-ж

После трех часов и восьмидесяти папок с отчетами Лоуренс откинулся на спинку стула и сказал:

– Сдаюсь! Я вообще не понимаю, что именно мы ищем.

– Подстроенные случаи, – спокойно ответила Сид, указав на стопку папок, которая еще ждала впереди.

– Так это шестьдесят с чем-то процентов от всех случаев, которыми мы занимались, – заметила Труди. – И ни один из тех, которые расследовал Дар, не стоят того, чтобы нанимать убийц.

Главный следователь устало кивнула. Дарвин отметил, что во время чтения она надевала очки в тонкой оправе.

– Ну, – сказал он, – по крайней мере, нельзя пожаловаться, что читать было скучно.

– Да, заявления пострадавших – настоящие шедевры, – кивнула Сид. – Вот например: «Телеграфный столб быстро приближался. Я попытался свернуть с его пути, но он врезался в мою машину».

Труди открыла свою папку.

– А вот одно из моих любимых... «Я был за рулем уже сорок лет, а потом случайно заснул и попал в аварию».

Дарвин вытащил еще один листок со старым заявлением.

– А вот тут преступник никогда не слышал о Пятой

поправке¹⁶... «Этот парень был повсюду. Мне пришлось несколько раз выкручивать руль, прежде чем я сбил его».

Лоуренс фыркнул и зарылся в свою папку.

– А мой истец слишком часто смотрел «Секретные материалы»... «Невидимая машина появилась ниоткуда, врезалась в мою машину и исчезла».

– У меня тоже есть такой загадочный случай, – вспомнила Труд и пролистала свою папку. – Вот... «Авария произошла оттого, что передняя дверца чужой машины неожиданно выпрыгнула из-за поворота».

– Я сам не люблю такие ситуации, – согласился Дарвин.

– А вы заметили, как жертвы аварий любят сваливать вину на других? – спросила Труд. – Вот типичный пример: «Пешеход, которого я не заметил, врезался в меня, а потом упал под колеса».

– Но они довольно честные ребята... по-своему, – заметил Лоуренс. – Я помню заявление одного типчика: «Возвращаясь с работы, я повернул к чужому дому и врезался в дерево, которого у меня нет».

Заглянув в свои бумаги, Труд захихикала и прочитала:

– «Я съехал с обочины, взглянул на свою тещу и проехал сквозь ограждение набережной».

– Ну, этого парня я могу понять, – пробормотал Лоуренс.

Труд перестала хихикать и сурово посмотрела на мужа.

---

¹⁶ Подразумевается, что подозреваемый имеет право не говорить ничего, что может способствовать его обвинению.

Сид внезапно громко рассмеялась.

– А вот вам и преднамеренное убийство. «Пытаясь убить муху, я врезался в столб».

– По-моему, мы тупеем, граждане, – заметил Дарвин, взглянув на часы.

– Начинаем тупеть, – поправила Труди, оглядывая стопки папок со случаями мошенничества. – Ну что, есть здесь что-то подходящее?

– Мне кажется, два случая подходят, – ответил Дар, вытягивая несколько папок из общей кучи. – Помните случай с арматурой на шоссе 1–5, в мае?

– И что это? – не поняла Сид.

– Арматура – это стальные прутья, которыми армируют бетон... ну, укрепляют, – объяснил Лоуренс.

– Я знаю, что такое арматура! – обиделась главный следователь. – Я спрашиваю, что за случай?

– Двадцать третье мая, – сказал Дарвин, проглядывая отобранную папку. – Шоссе 1–5, двадцать девятая миля к северу от Сан-Диего.

– О господи, – вспомнил Лоуренс. – Ты просматривал видеозапись, а я приехал туда одним из первых. Кошмар!

Сидни молчал ждала объяснений.

– Парень-вьетнамец, три месяца назад приехавший в Штаты со своей семьей – восемь детей, – работал шофером у цветовода. Он водил один из фургончиков «Исудзу», у которых двигатель находится под сиденьем водителя, а впер-

ди – только плексиглас в тонкой жестяной рамке, – начал рассказывать Лоуренс, морщась от вставшей в памяти картины. – Он ехал за грузовиком с открытым кузовом, который принадлежал одной из строительных компаний Ла-Джоллы – «Барнет конструкторы». Обычный семейный бизнес. Собственно, владелец фирмы, Билл Барнет, и был за рулем грузовика.

– И эта арматура торчала из кузова? – поинтересовалась Сид.

– На восемь футов, – ответил Лоуренс. – Конечно, на ней висели красные тряпочки, но... – Он умолк и тяжело вздохнул. – Этот бедолага вьетнамец ехал со скоростью пятьдесят пять миль в час, когда перед Барнетом неожиданно вынырнула машина, и он ударил по тормозам. Очень резко.

– А вьетнамец не успел, – предположила Сидни. Дар покачал головой.

– Успел, но тормоза отказали. Вытекла тормозная жидкость.

Сид переглянулась с остальными – такой тип поврежденный встречался редко.

– Арматура пробила переднее стекло фургона и пронизала парня в четырех-пяти местах, – продолжил Лоуренс. – А потом вытащила его, нанизанного на прутья, из фургона через разбитое ветровое стекло. Грузовик Барнета не остановился, а просто притормозил. Во время инцидента скорость упала до тридцати миль в час, но потом он поехал дальше,

а этот несчастный сукин сын продолжал болтаться на железных прутьях... Ему пробило лицо, горло, грудь, левую руку...

– Но он был еще жив, – заметил Дар.

– Некоторое время, – кивнул Лоуренс. – Барнет не знал, что делать, но ему хватило ума не жать на тормоз снова. Иначе этого беднягу, мистера Фонга, насадило бы на арматуру еще сильнее. Потому Барнет свернул на обочину и очень медленно сбросил скорость. Несчастный Фонг так и остался висеть.

– Естественно, это не столкновение по вине водителя, – заключила Сидни. – Особенно если учесть, что пострадавший был позади грузовика.

– Мы тоже так думали, – сказала Труди. – Но когда Дар восстановил картину происшествия, то вышло, что один водитель определенно виноват. Движения на дороге почти не было. И тут внезапно перед носом грузовика появляется белый пикап, резко тормозит, а потом набирает скорость и уносится по боковой дороге.

– Ну и что? – удивилась Сид.

– Понимаешь, – начала объяснять Труди, – эта боковая дорога была с правой стороны. Грузовик ехал по крайней левой из пяти полос. Движения почти не было, и жертва, мистер Фонг, совершенно легко могла ехать по другому ряду, а не впритык за грузовиком. Это слишком похоже на инсценировку...

– Едва ли они рассчитывали на то, что «жертва» погибнет или покалечится, – сказала Сид. – Видимо, они полагали, что арматура повредит фургон, за что строительной фирме придется выложить денежки. Мистер Фонг вряд ли ожидал, что напорется на прутья и будет на них еще долго трепыхаться. Он умер?

– Да, – кивнул Лоуренс. – Через три дня, не приходя в сознание.

– Компенсацию выплатили? – спросила главный инспектор.

– Два с половиной миллиона, – ответила Труди.

– Фирма Барнета едва сводила концы с концами, – вздохнул Лоуренс, – и на общую сумму рисков по договору страхования он мог выделить совсем немного. Эта компенсация разорила его.

Сидни заглянула во вторую папку.

– Следующий случай у тебя тоже отмечен красным флажком, – напомнил Дар. – На шоссе 1–5. Самое настоящее подстроенное столкновение. Виновник происшествия, мистер Фернандес, сидел за рулем большого старого «Бьюика». Он уже три раза получал страховку по временной нетрудоспособности, и восемь раз его иски не удовлетворяли.

– Но этот тоже закончился трагически? – уточнила Сид.

– Да. Сперва все шло как задумано. Перед «Бьюиком» неожиданно появился пикап и резко затормозил. Жертва мошенничества, новый «Кадиллак», как и положено, ткнулась

«Бьюику» в зад. А потом машина Фернадеса взорвалась...

– Я думала, такое случается только в кино, – заметила Сид.

– Как правило, – согласился Дар. – Но в ходе расследования я обнаружил в бензобаке «Бьюика» остатки самодельного устройства, состряпанного из батарейки. Оно должно было выдать искру при любом резком ударе по заднему бамперу.

– Убийство, – подвела итог Сид. Дар кивнул.

– Но в обоих случаях адвокат – а адвокат был один и тот же – возбудил дело против обоих водителей и фирмы-производителя. Так что уголовного расследования по преднамеренному убийству не было, а все скатилось в разбирательство с производителями.

– Интересно, – сказала Сид, – по каким параметрам они отбирали жертву?

– По нескольким факторам, – ответила Труди. – Во-первых, машина должна быть дорогой...

– Особенно такой, у которой на бампере наклейка любой приличной страховой компании, – добавил Лоуренс.

– Желательно с пожилым водителем за рулем, – продолжила Труди. – У которого уже не такая хорошая реакция и который предпочтет перестраховаться и нажать на тормоз.

– Конечно, в их планы не входит убийство людей в намеренной машине, – вставил Дар. – Для сообщника в задней машине главное – получить какую-нибудь легкую трав-

му. Например, повреждение шейных позвонков или нижнего отдела позвоночника, хотя страховые компании могут и придрататься.

– Но классический случай инсценированного столкновения закончился смертью водителя, Фернадеса, – заметила Сид. – Да и случай с мистером Фонгом трудно инсценировать...

– Верно, – согласился Дар. – Едва ли найдется доброволец, желающий въехать в грудь арматуры.

– Разве что это было его первое столкновение, – добавила Сид. – Или его заставили. А мистер Фернадес...

– Был найден в типичной для инсценировщика позе, – подхватила Труди. – Нырнул под рулевое колесо. Багажник «Бьюика» оказался забит мешками с песком. Обычно мошенники так делают, чтобы смягчить удар. Но все это сгорело, включая мистера Фернадеса, когда «Бьюик» взлетел на воздух.

– Компенсация?

– Шестьсот тысяч, – ответил Лоуренс.

– Теперь мы вплотную подошли к адвокату, который вел оба дела, мистеру Джорджу Мерфи Эспозито, – промолвила Сид.

– Он всегда приезжает на место происшествия раньше «Скорой помощи». – Труди засмеялась. – Эспозито даст фору любой машине «Скорой помощи», – сказала она. – Он нюхом чует, где будет авария, еще до того, как она произо-

шла.

Сидни кивнула.

– Дарвин, как ты считаешь, мог Эспозито натравить русских на тебя?

– Моя интуиция говорит, что нет, – вздохнул Дар. – Эспозито – мелкая пташка. Он обычно работает с простыми случаями мошенничества по страховкам. Я не припомню, чтобы он брался за более сложные дела или вращался в высоких кругах, через которые можно выйти на русскую мафию.

– А это идея, – заметила Сид. – Кто из других юристов или докторов стоит на первом месте в вашем списке?

– Списке по делам о страховом мошенничестве? – переспросила Труды.

– Да.

– Кроме Эспозито, это Роже Вильерс, Бобби Джеймс Такер, Николае ван Дерван, Абрахам Уиллис... – начала Труды.

– Эй, – вмешался Лоуренс, – Уиллис умер.

– Когда? – удивленно поднял брови Дар. – Я свидетельствовал в суде против его истца всего месяц назад.

– В прошлый вторник, – сказал Лоуренс. – Под Кармелем. Его машина упала с обрыва.

– Да, все мы смертны, – вздохнула Сид.

– Эспозито начал судебный процесс от имени его семьи, – сказал Лоуренс.

– Профессиональная любезность, – фыркнула Труды. Сид встала и потянулась.

– Ну, мы пересмотрим отчеты Дарвина по этим случаям и попытаемся найти какую-нибудь зацепку.

Труди перевела взгляд с Сидни на Дара.

– Вы возвращаетесь в Сан-Диего?

Дарвин только покачал головой.

– На выходные, – сказала Сид, – мы будем скрываться от прессы в его хижине.

Брови Лоуренса взлетели вверх, и он многозначительно глянул на Дара, только что не подмигнул.

– Давненько ты туда никого не приводил, а, Дар? Ну, кроме нас.

– А у меня, кроме вас, никого и не было, – мягко улыбнулся Дарвин. – Похоже, это будет что-то вроде домашнего ареста.

Наступило молчание. Затем Труди спохватилась:

– Ах да... прежде чем вы уйдете... следователь Олсон...

– Сид, – попросила Сидни.

– Сид, – кивнула Труди и продолжила: – Вы не могли бы дать нам консультацию по поводу одной видеозаписи?

– Конечно, – согласилась Сид.

– О нет, Труди! – простонал Лоуренс и залился краской. – Господи...

– Нам нужно узнать мнение специалиста, – возразила Труди.

– Только не это, – ответил Лоуренс, снял очки и протер их носовым платком, смущаясь и багровея все сильнее.

– Запись длится около часа, – объяснила Труди, – но мы поставим на быструю перемотку. Дар, ты часто давал показания по таким делам. Меня интересует и твое мнение тоже.

Труди повела Дара и Сид в гостиную, где стояли телевизор с диагональю 60 дюймов и видеомагнитофон.

* * *

Запись началась с застывшего кадра, на котором была женщина средних лет, одетая в лайкровый спортивный купальник, шорты и теннисные туфли.

Затем картинка ожила. Женщина отошла от небольшого, средней руки, коттеджа и села в старенькую помятую «Хонду Аккорд». Камера выхватила лицо женщины крупным планом, но на ней были черные очки, а вокруг головы обмотан шарф, так что различить черты лица было затруднительно. В нижнем углу экрана мигали цифры – дата, часы, минуты и секунды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.